ЗАПИСКИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

MÉMOIRES DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE.

VIIIe SÉRIE.

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ИСТОРИЧ. НАУКЪ И ФИЛОЛОГІИ.
Томъ XIII. № 6 и послѣдній.

CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Volume XIII. № 6 et dernier.

Н. И. Веселовскій

ХАНЪ ИЗЪ ТЕМНИКОВЪ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
НОГАЙ И ЕГО ВРЕМЯ

(Представлено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи
20 апрѣля 1916 года).

ПЕТРОГРАДЪ. 1922. PETROGRAD.

ЗАПИСКИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE.
VIIIe SÉRIE.
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ИСТОРИЧ. НАУКЪ И ФИЛОЛОГІИ. Томъ XIII. № 6 и послѣдній.
CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE. Volume XIII. № 6 et dernier.

Н. И. Веселовскій

ХАНЪ ИЗЪ ТЕМНИКОВЪ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
НОГАЙ И ЕГО ВРЕМЯ

(Представлено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 20 апрѣля 1916 года).

ПЕТРОГРАДЪ. 1922. PETROGRAD.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Январь 1922 года.
Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ.*

Россійская Государственная Академическая Типографія.

Ханъ изъ темниковъ Золотой орды Ногай и его время[1].

Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ темниковъ Золотой орды, Ногай (по монгольски: Нохай — «собака»), именемъ котораго назвался, называется и теперь, нѣкогда многочисленный степной народъ — Ногайцы, подъ конецъ своей долгой и боевой жизни усилился до такой степени, что основалъ особое владѣніе и въ международныхъ сношеніяхъ занялъ положеніе, одинаковое съ ханскимъ. Русскія лѣтописи иначе не величаютъ Ногая, какъ царемъ, что равносильно хану; нѣкоторые мусульманскіе писатели придавали ему титулъ меликъ (царь) на равнѣ съ прочими ханами[2]. Въ этомъ отношеніи наши изслѣдователи смотрятъ на Ногая различно. Архимандритъ Леонидъ безъ какихъ либо оговорокъ назвалъ Ногая ханомъ[3]; А. К. Марковъ, признавъ Ногая не только ханомъ, но и основателемъ кратковременной династіи Ногаидовъ, привелъ въ пользу этого положенія рядъ соображеній[4]; профессоръ В. Д. Смирновъ видѣлъ въ Ногаѣ только эмира и временщика[5].

Этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе и въ немъ слѣдуетъ разобраться, потому что Ногай оставилъ крупный слѣдъ въ исторіи Золотой орды, а слѣдовательно и въ исторіи Россіи. Его дѣятельность охватила огромный раіонъ, коснувшись даже Балканскихъ народовъ и Византіи. Онъ своими интригами вызвалъ смуты въ Ордѣ, которыя въ концѣ концовъ подорвали силу татаръ и помогли русскимъ князьямъ сбросить татарское иго.

---

[1] [Настоящая работа была принята Отдѣленіемъ ИФ для напечатанія въ «Запискахъ» Отдѣленія 20 апр. 1916 г., за два года до смерти автора; къ печатанію приступлено въ октябрѣ 1921 г., черезъ $3^1/_2$ года послѣ смерти автора. При чтеніи корректуры я старался придерживаться рукописи. Этимъ объясняется нѣкоторая непослѣдовательность правописанія (названія народовъ пишутся то съ прописной буквы, то со строчной, и т. п.). В. Б.]

[2] Такъ по Эль-Муфаддалю, дважды назвавшему Ногая меликомъ, причемъ этотъ историкъ пояснилъ, что Ногай сидѣлъ на престолѣ царства Берке (Тизенгаузенъ, «Сборникъ», стр. 195-196). Тизенгаузенъ видѣлъ здѣсь ошибку и полагалъ, что Ногай поставлено вмѣсто Тохта. Объ этомъ будетъ сказано дальше.

[3] «Ханъ Нагай и его вліяніе на Россію и южныхъ Славянъ» (Чтенія въ И. общ. Ист. и Древн. Россійскихъ. 1868, кн. III).

[4] «О монетахъ хана Ногая» (Труды Москов. Нумизмат. Общ., т. III).

[5] «Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты», Спб., 1887, 98, 101.

О Ногаѣ упоминаютъ лѣтописи разныхъ народовъ, а именно: русскія, польскія, болгарскія, сербскія, византійскія, армянскія и мусульманскія. Благодаря такому обилію источниковъ, Ногай является передъ нами, можно сказать, въ яркомъ освѣщеніи, болѣе яркомъ, чѣмъ то, въ какомъ оказываются наиболѣе выдающіеся ханы Золотой орды. Мусульманскія лѣтописи, по обилію подробностей и по обстоятельности изложенія, должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ, во-первыхъ потому, что въ то время мусульманская исторіографія достигла высокаго развитія, и потому во-вторыхъ, что египетскіе историки интересовались Ногаемъ, какъ виднымъ дѣятелемъ въ Ордѣ, и старательно заносили о немъ свѣдѣнія въ свои историческія записи, не упуская изъ виду даже его изрѣченія.

Мусульманскіе писатели показали намъ также, какую выдающуюся роль въ Золотой ордѣ играли вліятельныя женщины; эта роль, основанная на интригахъ и преслѣдованіи личныхъ интересовъ, вредно отзывалась на сплоченности государства, вела къ переворотамъ, а потому и не прошла безслѣдно въ исторіи Орды. Объ интригахъ ханьшъ въ главной ордѣ мы отчасти имѣли свѣдѣнія; но какое участіе проявляли онѣ въ улусѣ Джучіевомъ во время Ногая, это выяснили намъ только историки мусульмане.

Генеалогія Ногая представлена у мусульманскихъ историковъ не одинаково. Всѣ египетскіе и сирійскіе согласно называютъ Ногая сыномъ Татара, у котораго отецъ былъ Моголъ, т. е. Монголъ[1], сынъ Джучія, первенца Чингизъ-хана. Рашидъ эд-Динъ отцомъ Ногая указываетъ также Татара; но дѣдомъ называетъ не Монгола, а Буфала, или по другому чтенію Букала[2]. У другихъ мусульманскихъ писателей дѣдъ Ногая именуется Тевалъ[3]; это же имя приведено и въ армянскихъ источникахъ[4].

[1] Тизенгаузенъ, Сборникъ, стр. 109, 152, 380 и др.

[2] Рашидъ эд-Динъ, «Джами' эт-теварих», въ изд. Blochet, p. 122, 139.

Мнѣ кажется, что Блоше ошибся, отожествивъ Татара съ Тутаромъ. Въ примѣчаніи онъ привелъ текстъ изъ معزّ الانساب соч. XV в. (о немъ см. В. В. Бартольда, «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», Спб., 1898—1900, II, стр. 56) и приписалъ Татару колдовство противъ Гулагу, которое, по Рашидъ эд-Дину, устроилъ Тутаръ. По тексту же Рашидъ эд-Дина видно, что Тутаръ былъ родственникомъ Татара (خویشی хыш), причемъ указано и родословіе Тутара: онъ былъ сынъ Сенгкура, сына Джучія, слѣдовательно приходился Ногаю дядей [по генеалогіи въ изд. Блошэ 122 и сл. قوتار (sic) сынъ مینککدور, сына بوقال, т. е. двоюродный братъ Ногая. В. Б.]. У Рашидъ эд-Дина (изд. Катрмера, стр. 225, 359) онъ называется Тутаръ огулъ и встрѣчается ошибочное начертаніе Тумаръ, Бутаръ. Послѣдній варіантъ находится въ рукописи, принадлежащей Академіи Наукъ, восточной пагинаціи л. 297, европейской — 281 a. Выписки изъ этой рукописи обязательно сообщилъ мнѣ В. В. Бартольдъ.

[3] Объ этомъ см. O. Wolff, «Geschichte der Mongolen oder Tataren», Breslau, 1872, S. 408. Лэнъ-Пуль, «Мусульманскія династіи», Спб., 1899, стр. 185 и 199 — генеалогія Джучидовъ.

[4] К. П. Паткановъ, «Исторія Монголовъ по армянскимъ источникамъ», вып. I, стр. 100.

Рашидъ эд-Динъ опредѣляетъ Буфала (или Букала) седьмымъ сыномъ Джучи[1]. У этого царевича, хотя умершаго рано, осталось многочисленное потомство, а именно, пять сыновей законныхъ и нѣсколько побочныхъ, отъ наложницъ. Незаконные сыновья у монголовъ были ограничены въ правахъ, что наблюдалось строго. Имъ не давали улусовъ, они не могли претендовать на ханскій тронъ[2]. Ногай и принадлежалъ къ этой категоріи, какъ происходившій отъ седьмого сына. Мы застаемъ Ногая въ Золотой ордѣ предводителемъ войска, по русски темникомъ, т. е. начальникомъ 10000 воиновъ.

Движеніе Гулагу въ Персію сразу же и надолго поставило этого государя в общеніе съ Джучидами, сперва союзническое, потомъ враждебное, сильно ослаблявшее обѣ стороны.

У Эн-Нувейри находимъ разсказъ о попыткѣ Боракшины вступить въ сношенія съ Гулагу еще до вступленія на ханство Беркая: Боракшинъ, жена Тогана, сына брата его Бату хана[3], захотѣла, чтобы власть надъ Сѣверными странами послѣ смерти Сартака достались сыну ея, Туданменгу[4]. Она обладала обширнымъ умомъ и умѣньемъ распоряжаться. Но съ нею не согласились на это ни ханы, сыновья Бату хана, дяди сына ея, ни темники. Увидѣвъ ихъ сопротивленіе, она вошла въ сношеніе съ Хулаку, сыномъ Тули, послала къ нему стрѣлу безъ перьевъ и кафтанъ безъ пояса и отправила къ нему (посла) сказать: «Нѣтъ болѣе стрѣлъ въ колчанѣ и налучье осталось безъ лука, приходи, чтобы принять царство». Потомъ она отправилась вслѣдъ за посломъ и старалась добраться до Хулаку и привести его въ страны Сѣверныя. Народъ, узнавъ, что она замышляетъ, послалъ вслѣдъ за нею, вернулъ ее, несмотря на сопротивленіе съ ея стороны, и убилъ ее[5].

Когда началась борьба между Беркаемъ и Гулагу, Ногай проявилъ въ ней дѣятельное участіе. Объ этой борьбѣ сообщили намъ египетскіе и сирійскіе историки, изъ которыхъ нѣкоторые были современниками происхо-

---

[1] «Сборникъ лѣтописей», изд. Блошэ, стр. 121.

[2] Извѣстны факты, по которымъ видно, что у Монголовъ незаконный сынъ могъ быть лишенъ участія въ семейномъ жертвоприношеніи и тѣмъ какъ бы отлучался отъ своей семейной общины. Такъ, Бодуаньчаръ, отдаленный предокъ Чингиза, сдѣлалъ одну женщину своею побочною женою и она родила сына по имени Чжаоурѣдай. При жизни своей, Бодуаньчаръ сдѣлалъ его законнымъ сыномъ и позволилъ ему участвовать въ жертвоприношеніяхъ. Когда же Бодуаньчаръ померъ, то законный въ дѣйствительности сынъ его, Хабичи, во время семейнаго жертвоприношенія, когда происходилъ раздѣлъ мяса, освященнаго вкушеніемъ отъ душъ предковъ, устранилъ Чжаоурѣдая. (Юань-чао-ми-ши, въ Трудахъ Пекинской Духовной Миссіи, ч. IV, Спб., 1866, стр. 30). Этотъ случай далъ архимандриту Палладію Кафарову основаніе высказать мысль, что въ семейныхъ обрядахъ монголовъ имѣли участіе только дѣти законныя, или отъ главной жены и что жертвоприношенія предкамъ были узы, соединявшія членовъ семейства и рода. (Тамъ же, стр. 168 и 178).

[3] По мусульманскимъ же писателямъ Тоганъ былъ сынъ Батыя.

[4] Это наиболѣе раннее упоминаніе о Туданменгу, который впослѣдствіи былъ ханомъ.

[5] Сборникъ, стр. 150. Разсказъ о томъ же Ибнъ-Хальдуна — стр. 378. Эль-Айни сообщилъ, что Боракшина была утоплена. Тамъ же, стр. 506.

дившихъ событій, и персидскіе, подробно изложившіе исторію своего государства за періодъ монгольскаго владычества; наконецъ, армянскіе. Начнемъ съ первыхъ, писавшихъ исключительно по арабски.

Ибнъ-Васылъ († 697 г. = 1297-8) сообщилъ: Въ 662 г. (= 1263-4) произошла вражда между татарами Хулавуномъ и Берке. Хулавунъ выступилъ изъ страны Восточной и направился въ земли Берке. Оба войска встрѣтились и между ними было убито народу, количество котораго извѣстно только Аллаху всевышнему[1]. Причина войны, указанная Ибнъ-Васылемъ, кажется довольно странною, будто бы Чингизъ-ханъ предписалъ, чтобы съ каждой области, которая будетъ завоевана, треть доходовъ доставалась дому Берке, треть дому Чингизъ-хана и треть войску Чингизову[2]. Когда Чингизъ-ханъ умеръ, то никто изъ татаръ не отступился отъ рѣшенія его и отъ того, что имъ было предписано, но Хулавунъ все оставилъ себѣ. Берке и задумалъ возстановить свое право при содѣйствіи египетскихъ султановъ.

У Ибнъ-Васыля приведены подробности, которыя не встрѣчаются у другихъ историковъ. Когда Хулавунъ узналъ, что Берке вошелъ въ сношеніе съ Эль-меликъ эз-Захыромъ для одновременнаго нападенія на ихъ общаго недруга, то Хулавунъ снарядилъ войско и направился въ земли Берке; передъ этимъ Хулавунъ пришедшимъ отъ Берке посламъ отсѣкъ головы. Хулавунъ прибылъ къ р. Курѣ и дошелъ до Темиръ-капу. Берке, узнавъ о прибытіи Хулавуна въ земли его, рѣшилъ страну предоставить ему на волю, чтобы никто передъ нимъ не являлся и никто съ нимъ не вступалъ въ бой. Затѣмъ они покинули страну на 15 дней (пути). Когда Хулавунъ переправился черезъ Куру, то онъ нашелъ страну покинутою и войско Берке бѣжавшимъ. Войско Хулавуна вторглось въ страну, произвело опустошеніе, награбило (разное имущество), какъ-то: коровъ и овецъ, и тому подобное. Когда Берке услышалъ, что войско Хулавуна уже вторглось въ страну, онъ сдѣлалъ воззваніе къ войску своему, чтобы садился на коня всякій, кому 10 лѣтъ (и болѣе) отъ роду. Сѣло народу столько, что не видно было ни начала, ни конца. Что же касается Хулавуна, то онъ спозаранку былъ увѣренъ, что овладѣлъ страною Берке. Увидѣвъ вдругъ, что воздухъ зноенъ и горячъ, онъ сказалъ находившимся при немъ: Что это за знойный воздухъ? Вышли, (опять) вошли къ нему и сказали ему: Знойность этого воздуха происходитъ отъ дыханія коней. Въ войскѣ Хулавуна находился старецъ, по имени Самгаръ. Онъ (Хулавунъ) потребовалъ его къ себѣ . . .

---

[1] Сборникъ, стр. 73.

[2] У Эль-Муфаддаля дѣленіе доходовъ произведено на 5 частей: двѣ части Великому хану, двѣ части войску, а одна часть дому Батыеву. Тамъ же, стр. 188.

и сказалъ ему: Во сколько (человѣкъ) цѣнишь ты это войско?.. Самгаръ отвѣтилъ, что не знаетъ численности этого войска[1]. Тогда Хулавунъ постановилъ, что всякій, кто переправится через р. Куру раньше Кана, умретъ. Затѣмъ Хулавунъ обратился въ бѣгство съ тѣми Монголами, которые находились при немъ изъ отборнаго его войска. Когда онъ перешелъ черезъ рѣку и переправился (черезъ нее), то позади его войско было разбито. Татары столпились въ бѣгствѣ и снѣгъ подъ ними провалился. Это было снѣжное пространство на протяженіи трехъ дней.

Изъ татаръ не спасся ни одинъ, который могъ бы передать вѣсть (о случившемся). Всѣ, которые убѣжали впередъ, утонули, а тѣ, которые отстали, были убиты. Что касается утонувшихъ, то число ихъ неизвѣстно; тѣ же, которые отстали, всѣ были убиты. Когда прибылъ Берке и увидѣлъ мѣсто побоища, то онъ приказалъ собрать убитыхъ (въ одно мѣсто). Собрали ихъ и составили изъ нихъ 3 бугра (или) большихъ холма. Дожди и вѣтры успѣли уже вылощить ихъ и кости убитыхъ уже побѣлѣли. Путешественники видѣли ихъ на разстояніи 2 дней (пути). Это сраженіе называется событіемъ Темиркапускимъ[2]). Хулавунъ бѣжалъ съ небольшимъ отрядомъ. Авторъ лѣтописи (т. е. Ибнъ-Васыль) говоритъ: Когда Берке прибылъ на мѣсто битвы и увидѣлъ ужасное избіеніе, то онъ сказалъ: «Да посрамитъ Аллахъ Хулавуна этого, погубившаго монголовъ мечами монголовъ. Если бы мы дѣйствовали сообща, то мы покорили бы всю землю»[3]. О Ногаѣ Ибнъ-Васыль не упомянулъ.

Другой историкъ, Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ († 1325 г.), записалъ: Въ 653 г. (1255-6) произошло сраженіе между татарскими царями Берке, сыномъ (читай: братомъ) Бату, и Хулаку, сыномъ Тули; пораженіе понесъ Хулаку. Съ этого времени началась война между ними, и вражда между этими двумя народами стала наслѣдственною. Къ числу тѣхъ, которые участвовали въ упомянутой битвѣ, принадлежитъ Ногай, сынъ (Татара, сына) Могола, сына Душихана. Онъ былъ раненъ въ одинъ глазъ и сталъ одноглазымъ[4]. Здѣсь, несомнѣнно, ошибка въ хронологіи, въ 653 г. не могла произойти битва между Гулагу и Беркаемъ; можетъ быть этотъ историкъ ошибся и относительно времени потери Ногаемъ глаза, отнеся это обстоятельство не къ той битвѣ, къ которой слѣдовало.

Далѣе онъ пишетъ: Въ 663 г. (1264-5) вступилъ на престолъ Абага[5]

---

[1] Смыслъ отвѣта тотъ, что войско Берке было безчисленное.

[2] Темиръ-капу значитъ: «Желѣзныя ворота» — Дербендскій проходъ.

[3] Сборникъ, стр. 74-75.

[4] Тамъ же, стр. 121.

[5] Имя этого государя пишется различно: въ арабскихъ рукописяхъ: Абага (ابغا), въ персидскихъ: Абака (اباقا).

и снарядилъ рать на войну съ войсками Берке[1]. Столкновеніе произошло въ слѣдующемъ году, о чемъ Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ умолчалъ.

Подробности же этихъ двухъ сраженій находимъ у другихъ писателей. Эн-Нувейри (род. 1279 г. † 1333 г.) изложилъ событіе слѣдующимъ образомъ: Въ 653 г. (повтореніе ошибки своего предшественника) была война между Берке и Хулаку, царемъ Хорасана, обоихъ Ираковъ и соединенныхъ съ ними земель. Это (произошло) оттого, что Хулаку, получивъ письмо отъ Боракшинъ, жены Тогана, какъ мы сказали выше, захотѣлъ завладѣть этимъ государствомъ, чтобы присоединить его къ тѣмъ владѣніямъ, которыя находились въ рукахъ его. Онъ снарядился и отправился туда (въ Кипчакъ) съ войсками своими, но прибылъ (уже) послѣ умерщвленія Боракшинъ, восшествія Берке на царскій престолъ и утвержденія его власти. Когда до Берке дошло извѣстіе о Хулаку и о приближеніи его къ владѣніямъ, то онъ двинулся съ войсками своими на встрѣчу ему. Между обоими находилась рѣка, называемая рѣкою Терекъ, вода которой, вслѣдствіе сильной стужи, успѣла замерзнуть. Хулаку переправился черезъ нее съ войсками своими въ земли Берке. Когда они сошлись и сразились, то Хулаку потерпѣлъ пораженіе. Прибывъ къ этой рѣкѣ, сподвижники его (Хулаку) хлынули на нее; она (ледяная поверхность) проломилась подъ ними и множество народу изъ нихъ утонуло. Хулаку вернулся съ оставшимися у него людьми въ свои земли. Съ этого года началась война между ними. Въ числѣ лицъ, принявшихъ участіе въ этомъ сраженіи вмѣстѣ съ Берке, былъ сынъ дяди его[2], Ногай, сынъ Татара, сына Могола, сына Чингизъ-хана. Ударомъ копья онъ былъ раненъ въ глазъ и сталъ одноглазымъ[3].

О второй битвѣ, особенно прославившей Ногая, тотъ же историкъ сообщилъ: Въ 663 г. (1264-5) была война между войсками Берке и войсками Абаги, сына Хулаку, вслѣдствіе того, что когда Хулаку умеръ въ этомъ году и послѣ него вступилъ (на престолъ) сынъ его Абага, то онъ снарядилъ войско для войны съ Берке. Узнавъ объ этомъ, онъ (Берке) снарядилъ войско и поставилъ надъ нимъ Ису (читай: Йесу) Ногая[4], сына Татара,

---

[1] Сборникъ, стр. 121.

[2] Въ дѣйствительности Ногай былъ сынъ племянника Беркая.

[3] Сборникъ, стр. 151-152.

[4] В. Г. Тизенгаузенъ читалъ Ису-Ногай, но арабское начертаніе не допускаетъ такого чтенія, оно даетъ ييسو نوغاى, т. е. Йесу, Ейсу или Іесу. Откуда взялось это прибавленіе у арабскихъ писателей, неизвѣстно; но едва ли оно ими выдумано. Неизвѣстно также, что оно значитъ. А. К. Марковъ читалъ Іесунъ Нохай и переводилъ «желѣзная собака» («О монетахъ хана Ногая»); но желѣзо называется у монголовъ тэмур, слово же іесунъ можно сближать съ езу (или джезу), что означаетъ «желтая мѣдь», или съ јісӳн — «девять». Можетъ быть послѣднее предпочтительнѣе, потому что у народовъ сѣверо-восточной Азіи мы часто встрѣчаемъ числительныя имена прибавленныя къ именамъ народовъ (Найманы значитъ «восемь», въ Орхонскихъ надписяхъ: Токуз-огуз—«Девять-Огузовъ», ӱч-ӄӱрыкан—

сына Могола, который и двинулся въ авангардѣ. Потомъ онъ послалъ вслѣдъ за нимъ другого начальника, по имени Сунтая[1] (вар. Ясунтая) съ 50,000 всадниковъ. Ногай успѣлъ уйти впередъ съ тѣми, которые были при немъ, и предсталъ предъ войско Абаги; Сунтай же шелъ по пятамъ его. Когда войска Абаги увидѣли Сунтая, приближавшагося съ огромною ратью, то они скучились и собрались бѣжать. Сунтай, вообразивъ, что они окружили Ногая и бывшихъ съ нимъ (людей), обратился въ бѣгство, безъ всякаго боя. Ногай же погнался за войсками Абаги, напалъ на нихъ, разогналъ ихъ, убилъ изъ нихъ множество и вернулся къ Берке. Усилилось (съ тѣхъ поръ) значеніе его у него (Берке) и возвысилось положеніе его. Онъ (Берке) поставилъ его надъ нѣсколькими тьмами, вина же Сунтая въ глазахъ Берке была велика[2].

Эль-Муфаддаль, ссылаясь на лѣтопись шейха Шихабъ эд-Дина Абушаме, повѣствовалъ, что въ 660 г., 27-го дзуль-каада (13 окт. 1262 г.) прибыло въ Дамаскъ изъ войска татарскаго 200 конныхъ и пѣшихъ, съ женами и дѣтьми, бѣжавшихъ къ мусульманамъ. Они разсказали, что войско Хулавуна разбито сыномъ дяди его, Берке[3], что полчища Хулавуна бѣжали и разбрелись въ разныя стороны, а эта толпа (въ 200 чел.) направилась въ земли мусульманскія[4]. Далѣе приводится и причина войны со словъ этихъ пришельцевъ. Когда Великій царь Татарскій Менгу канъ умеръ, и на его мѣсто вступилъ меньшой братъ его Арикъ-буга; старшій же братъ его, по имени Кубилай ханъ, отсутствовавшій (въ то время), обидѣлся и съ войскомъ своимъ двинулся на брата; Берке оказалъ помощь Арикъ-бугѣ и они (сообща) поразили войско Кубилая[5]. Когда это дошло до Хулавуна, то онъ огорчился этимъ и не призналъ султанства Арикъ-буги, собралъ войско и выступилъ противъ Берке. Берке двинулся противъ него и расположился

«Три курыкана», Отуз-татар — «Тридцать-татаръ» и т. д.) и къ именамъ людей: жена Гулагу хана такъ и называлась Токузъ-хатунъ, что въ переводѣ значитъ: «Госпожа Девять». Б. Я. Владимірцевъ указалъ мнѣ на имя былиннаго героя Бумъ-Ердени, что значитъ: «сто тысячъ драгоцѣнностей»; на монгольское собственное имя Мингганъ-Бу, въ переводѣ: «тысяча ружей»; на монголо-калмыцкое собственное имя Йесте, т. е. «съ девятью».

[1] Сунтай, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, былъ внукъ Джагатая.

[2] Сборникъ, стр. 152-3.

[3] Проще сказать: Берке приходился Гулагу двоюроднымъ братомъ.

[4] Сборникъ, стр. 187.

[5] Какое то участіе ханъ Беркай проявилъ въ домогательствахъ младшаго брата Хубилая, царевича Арикъ буги, овладѣть императорскимъ престоломъ. На это указываетъ армянскій историкъ Киракосъ и это видно, между прочимъ, по монетамъ, чеканеннымъ Беркаемъ въ Булгарѣ въ періодъ 1260-1264 годовъ съ именемъ Арикъ буги ارغ بكا قاان الاعظم — «Арикъ буга каанъ величайшій» (Френъ, Монеты хановъ улуса Джучіева, стр. 2). Слѣдовательно, во все время борьбы Арикъ буги съ Хубилаемъ Беркай признавалъ ханомъ не Хубилая, а его соперника. Первые Джучиды не чеканили монету съ своимъ именемъ, такъ Батый помѣщалъ на своихъ монетахъ имя Мöнке-хана, и только Менгу-тимуръ сталъ чеканить свою именную монету.

на землѣ Грузинской. Хулавунъ же остановился на степи Сельмасской. Потомъ произошла между ними битва въ окрестностяхъ Ширвана. Съ обѣихъ сторонъ было убито много людей. Пораженіе выпало на долю Хулавуна и мечъ работалъ въ войскѣ его 12 дней. Хулавунъ бѣжалъ въ крѣпость Телу, которая находится среди озера Адзербейджанскаго, вошелъ въ нее, отрѣзалъ доступъ къ ней и оставался въ ней въ родѣ заключеннаго.

Эль-Муфаддаль, со словъ Алаэддина Ибнъ-Абдаллаха Эль-Багдади, добавилъ къ этому разсказу еще о другой причинѣ раздора между татарами. Тутъ и сообщается о дѣленіи доходовъ съ завоеванныхъ земель на 5 частей. Когда Бату умеръ — продолжаетъ Эль-Муфаддаль — и на престолъ вступилъ Берке, то Хулавунъ удержалъ долю его. Тогда Берке послалъ къ Хулавуну пословъ своихъ и отправилъ съ ними волшебниковъ, (которые должны были) погубить волшебниковъ Хулавуна. У Хулавуна былъ волшебникъ, по имени Якша. Они (послы) надѣлили его подарками, которые прислалъ ему Берке, и просили его содѣйствовать имъ въ достиженіи ихъ цѣли. Онъ сошелся съ ними. Хулавунъ приставилъ къ этимъ посланникамъ людей для прислуживанія имъ и, въ томъ числѣ, приставилъ волшебницу изъ Хатая, по имени Камша, для извѣщенія его о дѣйствіяхъ ихъ (посланниковъ). Узнавъ въ чемъ дѣло, она увѣдомила его (Хулавуна) объ этомъ. Онъ велѣлъ схватить ихъ и засадить въ крѣпость Телу, а потомъ, черезъ 15 дней послѣ взятія ихъ, умертвилъ ихъ, убивъ также волхва своего, который прозывался Якшей[1]. Когда до Берке дошло (извѣстіе) объ убіеніи пословъ и волшебниковъ его, то въ немъ пробудилась вражда къ Хулавуну, и онъ отправилъ пословъ своихъ къ Эль-меликъ эз-Захыру, чтобы побудить его къ совокупному дѣйствію противъ дома Хулавуна[2].

Подъ 663 г. Эль-Муфаддаль отмѣтилъ кратко, что Берке напалъ на Абагу и разбилъ его[3].

Эд-Дзехеби († 748 = 1348-9 г.) подъ 661 г. записалъ: Между Хулаку и Берке произошла страшная стычка и Хулаку потерпѣлъ пораженіе; изъ сторонниковъ его было убито множество; другіе потонули; самъ онъ спасся. Въ 663 г. Берке настигъ и поразилъ Абагу[4].

Ибнъ-Кесиръ († 1373 г.) отнесъ первую битву къ 661 г. Будто бы Берке требовалъ часть завоеванныхъ странъ и доходовъ. Берке канъ и Хулаку сразились и Хулаку потерпѣлъ ужасное пораженіе. Многіе изъ его сторонниковъ были убиты, а большая часть остальныхъ утонула. Онъ бѣ-

---

[1] Это извѣстіе о колдовствѣ приводится и въ персидскихъ источникахъ и притомъ въ болѣе понятномъ видѣ, о чемъ будетъ изложено дальше.

[2] Сборникъ, стр. 188-189.

[3] Сборникъ, стр. 194.

[4] Тамъ же, стр. 203.

жалъ съ небольшимъ отрядомъ своихъ людей. Вторая битва отнесена къ 663 году[1].

Ибнъ-Хальдунъ († 1406 г.) время битвы на р. Терекѣ опредѣлилъ 660-мъ годомъ (1261-2). Причина столкновенія между Берке и Гулагу иная, а именно: Берке присвоилъ себѣ изъ владѣній Кубилая ханскія области и поставилъ надъ ними Сархада, сына брата своего Баджу, исповѣдавшаго христіанскую вѣру. Хулаку убѣждалъ его отречься отъ дяди своего Берке и присоединиться къ брату его Кубилаю, занимавшему (главный) престолъ, (обѣщая), что отведетъ ему ханскія области и все, что онъ захочетъ, вмѣстѣ съ ними. Провѣдавъ объ этомъ планѣ и (узнавъ), что Сархадъ замышляетъ извести его ядомъ, онъ умертвилъ его и поставилъ надъ хаканскими областями брата своего. Хулаку сталъ требовать возмездія за Сархада и произошла между нимъ (Хулаку) и Берке битва на рѣкѣ Терекѣ въ (6) 60 году (1261-2). Потомъ Хулаку умеръ въ (6) 63 году. Вступилъ на престолъ сынъ его Абага, который отправился противъ него (Берке). Берке отрядилъ для встрѣчи его Сунтая — сына Митукана, сына Джагатая[2] — и Ногая, сына Татара, сына Могола, сына Душихана. Когда оба войска сошлись, Сунтай оробѣлъ и обратился въ бѣгство. Передъ Ногаемъ же бѣжалъ Абага и войскамъ его было нанесено пораженіе. Вслѣдствіе этого возвысилось значеніе Ногая у Берке и (усилился) гнѣвъ Берке на Сунтая, значеніе котораго у него (Берке) было жалко, пока Берке не погибъ въ (6)65 году[3].

Эль-Макризи (766—854=1364,5—1441,2) сообщилъ: Въ 659 г. (1260,1) султанъ (египетскій) написалъ царю Берке, подстрекая его къ войнѣ съ Хулаку и возбуждая въ немъ желаніе къ ней. Причиною этого были постоянно получавшіяся извѣстія о томъ, что Берке принялъ исламъ. Въ 660 г. (1261,2) изъ Дамаска и другихъ мѣстъ выступили развѣдчики и захватили множество татаръ, намѣревавшихся двинуться въ Египетъ, чтобы найти себѣ (тамъ) убѣжище. (Дѣло въ томъ, что) царь Берке посылалъ ихъ на помощь къ Хулаку, но, когда между ними (т. е. между Берке и Хулаку) произошелъ раздоръ, написалъ имъ, призывая ихъ къ себѣ, и приказалъ имъ, въ случаѣ если они не въ состояніи добраться до него, отправиться къ войскамъ египетскимъ. Причиною вражды Берке съ Хулаку было то, что въ сраженіи, которое произошло между ними, былъ убитъ сынъ Хулаку и было разбито войско его. Они (воины Хулаку) разбрелись по (разнымъ)

---

[1] Тамъ же, стр. 275-276.

[2] Оказывается, слѣдовательно, что Сунтай былъ внукъ Джагатая, второго сына Чингизъ-хана, и приходился Беркаю племянникомъ. Ср. выше стр. 7 и ниже стр. 11.

[3] Тамъ же, стр. 380.

землямъ, а Хулаку ушелъ въ крѣпость посреди моря Адзербейджанскаго, и былъ тамъ (какъ бы) осажденъ. Узнавъ объ этомъ, султанъ (египетскій) обрадовался ему, да и народъ обрадовался, что Хулаку былъ отвлеченъ отъ похода на Сирійскія земли [1].

Прибывшихъ татаръ было 200 всадниковъ съ своими семьями. «Положеніе ихъ было прекрасно и они обратились въ мусульманство».

Въ 661 г. (1262,3) прибыли (въ Египетъ) послы царя Берке, прося помощи противъ Хулаку. Это были эмиръ Джелаледдинъ, сынъ Эль-кадія, и шейхъ Нуреддинъ Али, со свитою. Они сообщили о принятіи имъ (Берке) ислама и объ обращеніи въ мусульманство народа его. При нихъ было посланіе, помѣченное 1-мъ реджебомъ 661 г. (=11 мая 1263 г.) [2].

О второй битвѣ Эль-Макризи упомянулъ чрезвычайно кратко: Послѣ Хулаку вступилъ сынъ его Абага, который снарядилъ войско для войны съ царемъ Берке ханомъ, но потерпѣлъ постыдное пораженіе [3].

Наконецъ, Эль-Айни († 1451 г.) повторилъ разсказъ Эн-Нувейри о битвѣ на Терекѣ и прибавилъ изъ какого-то другого источника слѣдующее: Когда рѣка выбросила утонувшихъ, то упомянутый Ногай сложилъ ихъ вмѣстѣ съ тѣлами убитыхъ въ пирамиды и сказалъ: «Это тѣла сыновей, дядей и родичей (нашихъ); мы не оставимъ ихъ на съѣденіе волкамъ и собакамъ въ степи». Что касается войны, происшедшей между Берке ханомъ и Хулавуномъ, то это была война великая, въ которой Хулавунъ потерпѣлъ жестокое пораженіе; большая часть людей его была перебита, а изъ остальныхъ множество утонуло; онъ (самъ) бѣжалъ съ небольшимъ отрядомъ своихъ людей.

Битва съ Абагой описана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Утвердившись на царствѣ послѣ смерти отца своего, Хулавуна, онъ (Абага) отправилъ войско на войну съ ратями Беркехана. Берке этотъ былъ сынъ Саинхана, сына Душихана [4], сына Чингизъ-хана, и двоюродный братъ Хулавуна. Узнавъ объ этомъ, Берке снарядилъ войско, поставивъ надъ нимъ Ису (Іесу) Ногая, сына Татара, сына Могола, сына Души хана, сына Чингизъ

---

[1] Сборникъ, стр. 429.

[2] Эта дата показываетъ, что грамота Берке была написана спустя четыре мѣсяца послѣ битвы на Терекѣ, но странно, что Макризи не сообщилъ объ одержанной побѣдѣ Берке ханомъ, о чемъ едвали грамота могла умолчать.

Подробности о принятіи Беркаемъ ислама сообщили Эд-Дзехеби (Сборникъ, стр. 205), Эль-Омари (стр. 245), Ибнъ-Хальдунъ (стр. 379) и Эль-Айни (стр. 507-508). Изъ ихъ разсказовъ видно, что Беркай принялъ исламъ въ Бухарѣ отъ Эль-Бахерзи, ученика и послѣдователя шейха Неджмъ-эд-Дина Эль-Кубра. По свидѣтельству Эль-Омари это случилось на обратномъ пути Беркая изъ Монголіи, куда онъ ѣздилъ на избраніе Мönкэ императоромъ.

[3] Сборникъ, стр. 433.

[4] Берке былъ братъ Саинхана (прозвище Батыя) и только при этомъ условіи можно было сказать, что онъ приходился Гулагу двоюроднымъ братомъ.

хана. Онъ отправился въ видѣ авангарда, вслѣдъ за которымъ Берке послалъ другого воеводу, по имени Ясунтай[1], съ 50.000 всадниковъ. Ису Ногай успѣлъ уйти впередъ съ тѣми, которые были при немъ, и предсталъ предъ войско Абаги; Ясунтай же шелъ за нимъ по пятамъ. Когда войска Абаги увидѣли Ясунтая, приближавшагося съ огромною ратью, точно покрывало темной ночи, то они скучились и собрались бѣжать. Ясунтай, увидѣвъ, что они столпились, и вообразивъ, что они окружили Ногая и тѣхъ, кто былъ при немъ, не замедлилъ уйти назадъ и поспѣшно обратиться въ бѣгство. Ногай же погнался за войсками Абаги, настигъ ихъ, сразился съ ними, разбилъ ихъ, умертвилъ часть изъ нихъ и, одержавъ побѣду надъ ними, вернулся къ Берке. Усилилось значеніе его и возвысилось положеніе его; Берке поставилъ его надъ нѣсколькими томанами, и онъ (Ногай) былъ причисленъ къ ханамъ. Что же касается Ясунтая, то вина его предъ Берке была велика[2].

Персидскіе историки, во главѣ съ Рашидъ эд-Диномъ, говорятъ о столкновеніи Джучидовъ съ Гулагидами очень подробно и помогаютъ разобраться въ немъ. Они приводятъ интересныя подробности, еще недостаточно нами использованныя и слабо освѣщенныя. Прежде всего оказывается, что какъ при походѣ Батыя на Россію въ его войскѣ находились представители всѣхъ улусовъ, конечно, со своими отрядами[3], такъ и къ войску Гулагу, отправленнаго въ Персію и вообще въ западную Азію, были присоединены представители улусовъ Джагатая и Джучія съ своими отрядами. Это значитъ, что завоеванія Монголовъ совершались всѣмъ народомъ и поэтому всѣ пріобрѣтенія составляли собственность всего царскаго рода, а это налагало извѣстныя обязанности на владѣтелей улусовъ другъ къ другу и въ отношеніи ихъ къ монгольскимъ императорамъ.

При взятіи монголами Багдада въ началѣ 656 г. (=начало 1258 г.) въ войскѣ Гулагу находились вспомогательные отряды подъ начальствомъ джучидскихъ царевичей, а именно Булга (или Балаканъ بالاقان, بلقا) сынъ Шейбана, пятаго сына Джучи, Тутаръ, сынъ Сенгкура, сына Джучи, и Кули, сынъ Орды, сына Джучи[4]. Слѣдовательно, въ это время не было вражды между Джучидами и Гулагидами. Участіе Джучидовъ въ военныхъ

---

[1] [То же лицо, которое выше (стр. 9) названо Сунтаемъ. Ср. генеалогію потомковъ Джагатая у Рашид-ад-дина въ изданіи Blochet, стр. 162 и 166. В. Б.]

[2] Сборникъ, стр. 509-510.

[3] Угэдей, отправляя «старшихъ княжескихъ сыновей» на завоеваніе Россіи и сосѣднихъ съ нею владѣній, заявилъ: «Повелѣваю же я отправиться на войну старшимъ сыновьямъ ихъ потому, что мой братъ Чаадай говорилъ: коли де пойдутъ на войну старшіе сыновья, то ратниковъ будетъ много и сила грозна». См. Юань-чао-ми-ши въ Трудахъ Пекинской духовной миссіи, т. IV, Спб. 1866, стр. 153.

[4] Рашидъ эд-Динъ, по изд. Катрмера, стр. 225, 283, 359; по изд. Блоше, стр. 138.

дѣйствіяхъ Гулагу и объясняетъ намъ нѣсколько путанное сообщеніе египетскихъ историковъ о третьей части доходовъ съ завоеванныхъ областей въ пользу дома Берке[1]. Въ самомъ дѣлѣ, Берке имѣлъ право на полученіе какого либо вознагражденія за свое содѣйствіе, тѣмъ болѣе, что его войска потерпѣли значительныя потери.

Далѣе Рашидъ эд-Динъ сообщилъ, что царевичъ Тутаръ былъ обвиненъ въ попыткѣ причинить вредъ Гулагу посредствомъ колдовства; подвергнутый допросу, онъ былъ признанъ виновнымъ. Гулагу, изъ уваженія къ Беркаю, не хотѣлъ самъ наказать его родственника, онъ велѣлъ военноначальнику Сугунджаку отправить его (къ Беркаю). Послѣ того какъ преступленіе Тутара было доказано, Беркай, согласно ясѣ Чингизъ-хана, вернулъ его къ Гулагу, чтобы тотъ распорядился его судьбою; Гулагу приказалъ его убить. Вскорѣ умерли Балаканъ и Кули. Беркай заподозрилъ, что они были отравлены. Семьи этихъ трехъ царевичей бѣжали изъ Персіи и достигли Дербенда, откуда переплыли на судахъ въ Кипчакъ[2]. Событія эти отнесены Рашидъ эд-Диномъ къ 658-660 годамъ (1260-1262).

Этотъ разсказъ помогаетъ понять свидѣтельство египетскихъ писателей о татарахъ Золотой орды, пришедшихъ въ Египетъ изъ Персіи. Несомнѣнно, это были тѣ воины, которые составляли вспомогательный отрядъ, посланный изъ Джучіева улуса въ Персію на подкрѣпленіе войска Гулагу. Можетъ быть и сообщеніе египетскихъ историковъ объ умерщвленіи въ Персіи пословъ Беркая придется свести къ гибели тамъ трехъ джучидскихъ царевичей.

Гулагу, которому «надоѣло сносить укоры и выговоры» Беркая, заявилъ, что хотя этотъ государь и старше его, онъ больше не заслуживаетъ уваженія, потому что не соблюдаетъ умѣренности. Беркай, освѣдомленный о досадѣ Гулагу, провозгласилъ съ своей стороны о намѣреніи отмстить за кровь многихъ тысячъ людей, погибшихъ благодаря его распоряженіямъ. Онъ отправилъ армію въ 30.000 человѣкъ подъ начальствомъ двоюроднаго брата[3] Тутара, Ногая, который прошелъ Дербендъ и расположился лагеремъ въ виду Ширвана.

Когда отряды трехъ царевичей Джучидовъ узнали о войнѣ между ихъ государями, они стремительно вышли изъ Персіи; одна часть вернулась въ свои жилища дербендскою дорогою; другая, болѣе многочисленная, подъ

---

[1] Только ссылку египетскихъ писателей на постановленіе Чингизъ-хана придется отвергнуть.

[2] Рашидъ эд-Динъ, въ изд. Катрмера, стр. 358; въ изд. Блоше, стр. 138; во второмъ мѣстѣ обвиненіе въ колдовствѣ отнесено не къ Тутару, какъ въ первомъ, а къ Балакану. D'Ohsson, Hist. des Mong., III, p. 378-379.

[3] [Повидимому, вмѣсто «двоюроднаго брата» должно быть: «племянника» ср. стр. 2, пр. 2. В. Б.].

начальствомъ двухъ полководцевъ, Негудара и Онгуджія, прошла черезъ Хорасанъ, преслѣдуемая отрядами Гулагу, и направилась на овладѣніе Газной и другими странами сосѣдними съ Индомъ.

Сколько нибудь серьезной причины для вражды, возникшей между прежними союзниками, Беркаемъ и Гулагу, Рашидъ эд-Динъ не привелъ; нельзя же случай съ Тутаромъ, безъ существованія другихъ осложненій, считать на столько важнымъ, чтобы изъ за него стоило начать войну. Едва ли убѣдительно другое свидѣтельство того же автора, что Беркай, какъ ревностный мусульманинъ, былъ недоволенъ Гулагу за уничтоженіе халифата, когда его войска участвовали въ разгромѣ Багдада. Повидимому истинную причину семейнаго раздора указалъ другой персидскій писатель, Вассафъ. Онъ сообщилъ, что Джучиды заявили претензію на Арранъ и Адербиджанъ. Это дѣйствительно важно. Гулагу отказался удовлетворить это требованіе. Само собою разумѣется, что Беркай не могъ съ этимъ примириться, отсюда разрывъ и война.

Вассафъ (1257—1327), современникъ Рашидъ эд-Дина, въ своей «Исторіи», излагающей владычество Монголовъ въ Персіи, написалъ особую главу, посвященную обостренію отношеній между Гулагу-ханомъ и и Берке Огуломъ. Разсказъ Вассафа не отличается ни полнотой, ни содержаніемъ. Онъ говоритъ только о сраженіи 662 г. (1263-4) и даетъ поводъ предполагать, что яблокомъ раздора между Джучидами и Гулагидами послужили Арранъ и Адербиджанъ. Затѣмъ Вассафъ такъ же, какъ и Рашидъ эд-Динъ, сообщилъ, что вначалѣ Берке потерпѣлъ неудачу и отступилъ, но потомъ, собравшись съ силами, напалъ на Гулагу и нанесъ ему пораженіе; упомянулъ онъ и объ избіеніи купцовъ съ обѣихъ сторонъ[1].

Беркай съ своей стороны снарядилъ 30-тысячную армію, которая прошла Дербендъ[2] и расположилась лагеремъ въ виду Ширвана[3]. По Рашидъ эд-Дину Ногай былъ предводителемъ этого войска Беркая[4]. Въ декабрѣ 1262 г. Гулагу прогналъ непріятеля изъ Дербенда и разбилъ его на сѣверѣ отъ этого города. Ногай обратился въ бѣгство и былъ преслѣдуемъ большимъ отрядомъ, который овладѣлъ расположеннымъ по ту сторону Терека брошеннымъ воинами лагеремъ, гдѣ нашелъ много женщинъ, дѣтей и скота. Войско Гулагу расположилось въ этомъ лагерѣ и въ теченіе трехъ дней предавалось пьянству и распутству. Но вдругъ Ногай вернулся, войска Гу-

---

[1] Geschichte Wassaf's. Persisch herausgegeben und deutsch übersetzt von Hammer-Purgstall. Wien, 1856. S. 92—95. Персидскаго текста стр. 96—99.

[2] Граница ихъ владѣній была у г. Дербенда.

[3] D'Ohsson, Histoire des Mongols, III, p. 379.

[4] Сборникъ лѣтописей въ изд. Blochet, стр. 139. وسر لشکر برکای نوقای بود پسر تاتار پسر بزرك شهزاده بوقال بغایت بهادر ومبارز.

лагу были разбиты у Терека; бѣглецы хотѣли перейти черезъ рѣку по льду, но онъ ломался подъ ихъ ногами, и большое число ихъ погибло[1]. Битва на Терекѣ происходила перваго числа мѣсяца реби-перваго[2] 661 г., т. е. 13 января 1263 г. по таблицамъ Вюстенфельда. Гулагу вернулся въ Тебризъ и отдалъ приказъ о снаряженіи новой арміи, онъ выместилъ свою неудачу на торговцахъ страны Беркая, находившихся въ Тебризѣ, велѣвъ ихъ убить и конфисковать ихъ имущество. Съ своей стороны Беркай приказалъ убить гулагидскихъ торговцевъ, пребывавшихъ въ его государствѣ. Беркай продолжалъ борьбу и съ Абакой, преемникомъ Гулагу. Рашидъ эд-Динъ довольно подробно излагаетъ эту борьбу въ главѣ حکایت مصاف دادن لشکر اباقا خان با نوقای (т. е. نوقای) وشکسته ومنهزم کشتن ایشان.

Сущность персидскаго разсказа заключается въ слѣдующемъ. Весною 1265 г. Абака, находившійся въ Тебризѣ, получилъ извѣстіе, что Ногай черезъ Дербендъ вторгнулся въ его владѣнія. Противъ него былъ отправленъ царевичъ Юшмутъ (третій сынъ Гулагу), который въ шеввалѣ 663 г. (іюль—августъ 1265 г.) переправился черезъ Куру и встрѣтился съ непріятелемъ близъ Джеганъ-Муранъ, которую называютъ Аксу. Сраженіе было кровопролитно и отличалось упорствомъ; Ногай былъ раненъ стрѣлою въ глазъ; его войско потерпѣло пораженіе и бѣжало въ Ширванъ. Вслѣдъ затѣмъ Абака переправился черезъ Куру, но узнавъ о выступленіи Беркая съ грозной арміей, отступилъ за рѣку, приказавъ разрушить всѣ мосты, и расположился на южномъ берегу ея. Оба войска стояли 14 дней другъ противъ друга, раздѣленныя рѣкой и пуская стрѣлы. Наконецъ Беркай поднялся по Курѣ, чтобы перебраться черезъ нее у Тифлиса, но во время пути умеръ. Тѣло его было перевезено въ сундукѣ въ Сарай для погребенія. Избавившись отъ опасности, Абака въ 664 г. (13 окт. 1265—2 окт. 1266 г.) приказалъ возвести по ту сторону Куры валъ, защищенный широкимъ рвомъ, отъ Валанъ-наура до степи Кардіанъ, и помѣстилъ здѣсь стражу изъ монголовъ и мусульманъ[3].

Важно съ этимъ сообщеніемъ Рашидъ эд-Дина сопоставить повѣствованіе другого персидскаго историка того же времени Вассафа (1257—1327), который въ своей «Исторіи» нѣсколько иначе изложилъ ходъ борьбы между

---

[1] D'Ohsson, III, p. 381. Сборникъ лѣтописей, изд. Катрмера, стр. 394, 398.

[2] Рашидъ эд-Динъ, изд. Катрмера, стр. 398—399.

[3] Рукоп. Акад. Наук, л. 297, восточ. пагинаціи (281 а—б европ.); D'Ohsson, Hist. des Mong., III, p. 418—419.

Думаю, что къ этому побоищу относится сказаніе Ипатьевской лѣтописи: «Въ лѣто 6774 (1266) бысть мятежъ великъ в самѣхъ Татарѣхъ избишася сами промѣжи собою бещисленное множество, аль пѣсокъ морьскы». Нов. изд., стр. 863. Теперь это извѣстіе получаетъ надлежащій смыслъ.

Джучидами и Гулагидами. Привожу переводъ персидскаго текста по изданію Гаммера[1].

«Разсказъ о причинахъ вражды, которая возникла между Хулагу-ханомъ и Берке-огуломъ[2]. Въ то время, какъ государь, завоевывающій міръ, Чингизъ-ханъ, сталъ властителемъ и хозяиномъ надъ государями и государствами міра, онъ подѣлилъ страны и края четыремъ сыновьямъ, Туши, Джагатаю, Угетаю, Тулу, и назначилъ жилища и становища въ четырехъ сторонахъ міра, какъ проистекало изъ дневника прозорливости его и было одобрено его безпредѣльной проницательностью; подробное же перечисленіе странъ и земель начертано и упоминается въ «Тарих-и Джихангушай»: Джагатаю были назначены пространства становищъ отъ границъ проходовъ Уйгуріи до предѣловъ Самарканда и Бухары и стали обычнымъ (его) мѣстопребываніемъ, такъ что онъ постоянно находился поблизости къ Алмалыгу. Угетай же, такъ какъ въ благословенную эпоху отца долженъ былъ стать наслѣдникомъ престола, имѣлъ пребываніе въ предѣлахъ Имиля и Кубака, который былъ столицею ханства и пупомъ государства. У Тулуя юртъ былъ сосѣдній и сопредѣльный съ Угетаевымъ; а отъ краевъ Кыялыка, Харазма и крайнихъ предѣловъ Саксина и Булгара до Дербендскаго прохода и Бакуйе в длину онъ назвалъ именемъ старшаго сына Туши. А то, что по ту сторону Дербенда, который называютъ Демур-кабукъ, постоянно стало мѣстомъ зимовокъ и центральнымъ пунктомъ, куда сходилось и откуда расходилось его войско. Время отъ времени они производили набѣги до Аррана, и онъ говорилъ, что Арранъ и Азербейджанъ также входятъ въ составъ ихъ владѣній и поселеній. Вслѣдствіе этого съ обѣихъ сторонъ воспослѣдовали основанія раздора и поводъ къ грубому обращенію. Въ зиму 662 (1263—1264) года, когда золотыхъ дѣлъ мастеръ предопредѣленія сдѣлалъ Дербендскую рѣку подобной серебряному слитку и скорнякъ зимы скроилъ горностаевую одежду по мѣркѣ длины и ширины окраинъ холмовъ и долинъ, а кровля рѣки на высоту копья отвердѣла, какъ камень, по приказу Берке-огула войско монголовъ, болѣе нечистое, чѣмъ ифриты и гули, болѣе многочисленное, чѣмъ дождевыя капли: они выступили, производя натискъ, какой производятъ ручьи, попадающіе на посѣвъ, — перешло черезъ ту застывшую воду подобно огню и вѣтру. Отъ ржанія и топота коней и войскъ плоскость земной равнины наполнилась звукомъ громовыхъ раскатовъ и блистанія и сверканія молній. Возжегши огонь гнѣва, они дошли до берега рѣки Куры; Хулагу-ханъ, чтобы отразить

---

[1] Арабскіе стихи оставлены безъ перевода, потому что они не заключаютъ въ себѣ ничего существеннаго и съ нашей точки зрѣнія являются лишнимъ баластомъ.

[2] Огулъ—титулъ чингизидовъ изъ нецарствовавшей линіи. Въ другихъ источникахъ этого титула у Берке хана я не встрѣчалъ. Огулъ, Огланъ сохраняется въ названіи уланъ.

искры ихъ зла, вышелъ на встрѣчу съ устроеннымъ войскомъ. Послѣ стычки и сраженія онъ ихъ обратилъ въ бѣгство и такъ во слѣдъ за (ними) велъ (свое) войско.

Въ Бакинскомъ Дербендѣ они вновь устроили мѣсто сраженія. Онъ (Хулагу) произвелъ стремительный натискъ, и изъ войска Берке не осталось ни малаго, ни стараго, такъ что весь народъ они перебили, а прочіе, будучи побѣждены, направили поводья бѣгства въ путь. Хулагу-ханъ не разрѣшилъ войску вернуться, пока не перешелъ черезъ замерзшую рѣку безъ (всякаго) уклоненія.

Такимъ образомъ, изо дня въ день переходы враговъ дѣлались переходами (и) для войска Ильхана[1]. Когда онъ дошелъ до площади царства царевича, въ Берке-огулѣ загорѣлся огонь гнѣва вслѣдствіе численнаго уменьшенія и обращенія въ бѣгство его войска и побѣды царя, попирающаго враговъ,—онъ приказалъ, чтобы восемь десятыхъ всего войска, возсѣвъ на коней, принялись бы за бой и соревнованіе. Внезапно они набросились на войско ильханово и преградили путь для перемирія и согласія. Руку дерзновенія они распростерли и площадь страны своей отъ нечистотъ завоеванія и притѣсненія чужаками избавили и очистили.

Сбивъ ихъ, они гнались за ними нѣсколько перегоновъ. Когда царь, сожигающій враговъ, прибылъ въ свой станъ счастія, онъ отдалъ приказаніе, и купцовъ Берке-огула, которые въ Тебризѣ занимались торговлей и комерціей и имѣли безпредѣльныя и неисчислимыя богатства, всѣхъ предали ясѣ (т. е. казнили), а имущество, какое онъ нашелъ, взяли въ казну. Многіе изъ нихъ имѣли у тебризскихъ вельможъ вклады и товары. Послѣ ихъ гибели тѣ богатства остались въ рукахъ лицъ, которымъ были довѣрены. Берке-огулъ, въ цѣляхъ возмездія, также подвергъ казни купцовъ изъ земель ханскаго царства и поступилъ съ ними точно также. Пути выѣзда и въѣзда и путешествія комерсантовъ, какъ и дѣятельности людей совершенства (искусниковъ) были разомъ преграждены, демоны раздоровъ изъ склянки времени выскочили.

Около этого времени Кубла каанъ отправилъ посла и вновь произвелъ перепись въ Бухарѣ. Изъ 16,000, которые были насчитаны въ самой Бухарѣ, 5,000 принадлежали Бату, 3,000—Кути-беги, матери Хулагу-хана, а остальные назывались Большая рука (Улугъ-кулъ), т. е. Большая деля (бузургъ деля), дабы каждый изъ дѣтей Чингизъ-хана, который утвердится на ханскомъ престолѣ, повелѣвалъ спеціально ими. Этихъ пять тысячъ (принадлежавшихъ) Бату всѣхъ выгнали въ степь и на языкѣ бѣлыхъ мечей, у

---

[1] Иль-ханъ, въ смыслѣ командира отдѣльнаго войска, былъ титулъ первыхъ Гулагидовъ.

которыхъ вѣсть судьбы красна, прочли имъ конецъ земного предѣла (= объявили смертный приговоръ).

И не было оставлено ни имущество ихъ, ни жены, ни дѣти. И такъ какъ догматъ: «Любовь переходитъ по наслѣдству и вражда переходитъ по наслѣдству» запечатлѣнъ въ умахъ, послѣ кончины Берке-огула сынъ его, Менгу-Тимуръ[1], сталъ его замѣстителемъ и съ Абака-ханомъ разостлалъ коверъ старой вражды. И между ними нѣсколько разъ возникали нападенія и отступленія. Однажды 30,000 всадниковъ меченосцевъ и копьеносцевъ Абака-хана во время возвращенія переходили черезъ рѣку, ледъ (подъ ними) проломился и всѣ они утонули и итогъ дней жизни ихъ (Аллахъ?) начерталъ на ледяной доскѣ. Когда послѣ этого Абака ханъ узналъ о многочисленности (ихъ) войска и дерзости ихъ, возвели по сю сторону Дербенда стѣну, а называютъ ее Сиба, такъ что вторженіе и надменность того войска, волнующаго міръ, стали затруднены. И эта вражда была стойка и постоянна, и отчужденіе и осторожность между обѣими сторонами пребывали до времени царствованія Кейхату хана. Когда Тактай унаслѣдовалъ царство Менгу Тимура, путемъ обмѣна посольствами и посланіями открылись дороги для купцовъ и торговцевъ и были уготованы условія благоденствія и безопасности превыше сего. Государство Арранское отъ изобилія повозокъ, шатровъ, копей и барановъ всколыхнулось, а рѣдкостные товары тѣхъ краевъ, послѣ застоя нѣсколькихъ лѣтъ, получили широкое распространеніе».

Эти два писателя, взятые въ отдѣльности, не разъясняютъ нашихъ недоразумѣній о враждѣ джучидовъ съ гулагидами, но поставленные вмѣстѣ они даютъ намъ возможность понять смыслъ изложеннаго столкновенія между двумя отраслями чингизидовъ. Джучиды, равно какъ и Джагатаиды, по повелѣнію монгольскаго императора Мӧнкэ должны были вмѣстѣ съ своими войсками содѣйствовать походу Гулагу, а такое участіе обыкновенно, въ случаѣ успѣха, вознаграждалось земельнымъ участкомъ изъ завоеванныхъ государствъ. Очевидно, на этомъ основаніи Берке-ханъ и сталъ претендовать на Арранъ и Азербейджанъ; но обѣ эти провинціи остались за Гулагу, почему золотоордынскій ханъ и счелъ себя обиженнымъ. Оба писателя одинаково говорятъ, что вначалѣ Гулагу имѣлъ успѣхъ; но на р. Терекѣ Берке нанесъ ему сильное пораженіе. Вассафъ говоритъ только о походѣ Гулагу противъ Берке и умалчиваетъ о выступленіи Абаги.

Труднѣе догадаться, о какихъ Батыевыхъ воинахъ въ Бухарѣ говоритъ Вассафъ и за что они были обречены на истребленіе? Не отразилась

---

[1] Ханъ Берке не оставилъ потомства, какъ это было извѣстно нѣкоторымъ мусульманскимъ историкамъ (см. Энциклопедію Эн-Нувейри въ Сборникѣ В. Г. Тизенгаузена, стр. 153). Менгу Тимуръ былъ сынъ Тогана, сына Батыя.

ли на нихъ попытка Беркая поддержать Арикъ-бугу противъ хана Хубилая и не составляли ли эти воины тотъ отрядъ, который Берке могъ послать въ распоряженіе Арикъ-буги?

Персидскіе историки, какъ видимъ, не сходятся съ египетскими, ни въ отношеніи успѣховъ Ногая при столкновеніи съ гулагидами, ни относительно времени утраты имъ одного глаза въ битвѣ. Первое разногласіе объяснить нетрудно. Египетскіе писатели получали свѣдѣнія въ Золотой ордѣ, гдѣ естественно было стремленіе преувеличить достигнутые Беркаемъ результаты; а персидскіе, стоявшіе къ событіямъ войны непосредственно, по патріотическимъ соображеніямъ, старались смягчить неудачи своихъ государей. Вѣдь, за дѣйствительныя же заслуги Ногай былъ возвышенъ ханомъ Беркаемъ, а не за пораженія. Что же касается того момента, когда Ногай лишился глаза, то преимущество въ этомъ отношеніи надо отдать персидскимъ историкамъ, хотя по существу это разногласіе въ два года не такъ важно.

О войнахъ Гулагидовъ съ Джучидами говорятъ и армянскіе историки: Магакій, Варданъ, Стефанъ Сюнійскій и Киракосъ Гандзакеци. Ихъ свѣдѣнія чрезвычайно важны. Съ одной стороны они подтверждаютъ сообщенія мусульманскихъ писателей, съ другой — даютъ новыя подробности. Инокъ Магакій упоминаетъ среди семи полководцевъ-царевичей, бывшихъ вмѣстѣ съ Гулагу: Хули (= Кули), Балаха[1] и Тутара[2], извѣстныхъ уже намъ изъ разсказа Рашидъ эд-Дина. Онъ же сообщаетъ новую причину раздора между Гулагу и Беркаемъ, которая осталась неизвѣстной другимъ историкамъ, а именно: вслѣдствіе повелѣнія императора Мӧнкэ аргуч'ямъ (судьямъ) возвести Гулагу на ханство въ завоеванныхъ имъ земляхъ, нѣкоторые царевичи возмутились противъ Гулагу. «Какъ только ханскіе сыновья узнали о томъ, что Гулаву намѣренъ возсѣсть на ханскій престолъ, то четверо изъ нихъ пришли въ ярость и не захотѣли повиноваться Гулаву. Такударъ и Бора-ханъ подчинились, а Балаха, Тутаръ, Гатаганъ и Миганъ не согласились признать его ханомъ[3]. Когда аргучи Мангу-хана убѣдились въ томъ, что эти четверо не только не желаютъ повиноваться, но еще намѣрены сопротивляться Гулаву, то приказали: подвергнуть ихъ ясаку, т. е.

---

[1] Быть можетъ инокъ Магакій даетъ намъ правильное произношеніе имени этого царевича, который въ изданіи Катрмера пишется بلغا (Балга или Булга), а въ изданіи Блоше (стр. 138) بالاقان (Балаканъ), последнее начертаніе будетъ болѣе правильнымъ.

[2] Ясно, что и у Рашидъ эд-Дина должно быть Тутаръ, а не Тумаръ, какъ передано у Доссона.

[3] Въ этомъ перечнѣ нѣтъ Хули, потому что, по Магакію, онъ умеръ отъ какой-то болѣзни раньше другихъ царевичей; его замѣнилъ сынъ его Миганъ. [По Рашидъ эд-Дину Кули былъ сыномъ Орды, старшаго сына Джучи; среди сыновей Кули упоминается Мингканъ (изд. Blochet, стр. 99). В. Б.].

задушить тетивой лука: по ихъ обыкновенію, только этимъ способомъ можно было предавать смерти лицъ ханскаго происхожденія. Мигана, сынъ Хуліева, по причинѣ его малыхъ годовъ, заключили въ темницу на островѣ Соленаго моря[1], находящагося между областями Геръ и Зареваидъ. Послѣ того аргучи приказали армянскимъ и грузинскимъ войскамъ итти на войска мятежниковъ и перебить ихъ, что и было исполнено. Народу было истреблено столько, что отъ убитыхъ татарскихъ труповъ зловоніе распространилось по горамъ и полямъ. Только двое изъ предводителей, Нуха-куунъ и Аратамуръ, провѣдавъ заблаговременно объ опасности, взяли съ собой сокровища, золото, превосходныхъ лошадей, сколько могли, и бѣжали съ 12 всадниками. Переправившись черезъ великую рѣку Куръ, они воротились въ свою сторону. Не довольствуясь тѣмъ, что спаслись, они возстановили противъ Гулаву Берке, брата Саинъ-хана, и въ теченіе 10 лѣтъ производили страшное кровопролитіе»[2]. О битвахъ Магакій ничего не сообщаетъ.

Нельзя сомнѣваться, что подъ Нуха-куун'омъ надо разумѣть извѣстнаго Ногая, которому приданъ титулъ куунъ. По объясненію К. П. Патканова этотъ титулъ означалъ ханскихъ дѣтей, что подходило къ Ногаю, происходившему отъ Джучи въ побочной линіи. Однако, изъ текста видно, что Ногай не былъ сравненъ съ настоящими царевичами.

Въ хроникѣ Вардана подъ 715 годомъ армянскаго лѣтосчисленія = 1266 г. по Р. Х. кратко описывается битва Абаки и брата его Исмуда съ властителемъ Сѣвера Барка на р. Курѣ[3]. О Ногаѣ здѣсь не упоминается.

Стефанъ Сюнійскій мимоходомъ, говоря объ Аланскихъ воротахъ, замѣтилъ: «Этимъ путемъ проходили Хазары, Аланы, Осы, Кипчаки и войска сѣвернаго царства преемниковъ Беркая, гдѣ, въ настоящее время, царствуютъ ханы Тота-Мангу[4] и Нуха, внуки Батыя и Сартаха»[5].

Киракосъ, въ главѣ «Кровопролитная война между Гулаву и Беркайемъ», сообщилъ, что два брата умершаго Мангу-хана, Арикъ-буга и Хубилай, оспаривали другъ у друга престолъ. Гулагу помогалъ Хубилаю, а Беркай, владѣтель сѣвера, поддерживалъ Арикъ-бугу. «Одинъ изъ родственниковъ ихъ, также военачальникъ, сынъ Чагата-хана, старшаго[6] сына

---

[1] Озеро Урмія.

[2] Исторія Монголовъ инока Магакіи, XIII вѣка. Переводъ и объясненія К. П. Патканова. СПб. 1871. Стр. 31—32.

[3] Исторія Монголовъ по армянскимъ источникамъ. Переводъ и объясненія К. П. Патканова. СПб. 1873, вып. I, стр. 26—26. Исмутъ = Яшмутъ въ Исторіи Рашидъ эд-Дина. Въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается посолъ Ешимутъ.

[4] О ханѣ Туда (или Туданъ)-Менгу см. Извѣстія II отд. И. Академіи Наукъ, т. XXI.

[5] Исторія Монголовъ по арм. источн., I, стр. 62—63.

[6] Джагатай былъ второй сынъ Чингизъ-хана.

Чингизъ-хана, Алгу, также враждовалъ съ Беркаемъ, потому что вслѣдствіе его доносовъ Мангу-ханъ истребилъ родъ его. Онъ обратился къ Гулаву съ просьбой помочь ему со стороны Дербенда. Между тѣмъ великій Гулаву, при которомъ находились великіе и знатные князья равнаго съ нимъ происхожденія, родственники Бату и Беркая—Кули, Балаха, Тутаръ, Меганъ, сынъ Кули, Хатаганъ и многіе другіе, истребилъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ со всѣми ихъ войсками, не щадя ни стариковъ, ни дѣтей, потому что они вмѣшивались въ его распоряженія. Только немногіе изъ нихъ и то лишенные женъ, дѣтей и имущества, успѣли бѣгствомъ спастись къ Беркаю и къ другимъ своимъ родственникамъ. Узнавъ объ этомъ, Беркай собралъ многочисленное войско и приготовился къ походу противъ Гулаву, чтобы отмстить ему за смерть родственниковъ». Затѣмъ Киракосъ описываетъ столкновеніе обѣихъ армій не на Терекѣ, а почему-то на р. Этилѣ, т. е. Волгѣ. «Съ обѣихъ сторонъ пали многіе, но болѣе со стороны Гулаву, потому что часть его войска изнемогла отъ стужи и снѣга, другая потонула въ рѣкѣ. Тогда Гулаву принужденъ былъ воротиться за дербендскія ворота... Эта война съ обѣихъ сторонъ продолжалась пять лѣтъ, начиная отъ 710 г. (1261—1262) и по 715 г. (1266—1267) армянской эры. Ежегодно собирались войска и происходили битвы въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, потому что лѣтомъ жары и выступавшія изъ береговъ рѣки удерживали ихъ на мѣстѣ»[1]. О Ногаѣ ничего не говорится.

Войны Джучидовъ съ Гулагидами повели къ оживленнымъ сношеніямъ между Египтомъ и Золотой ордой, такъ какъ египетскіе султаны очень боялись нашествія персидскихъ монголовъ на свои владѣнія. О первой попыткѣ со стороны султана Эль-меликъ Эз-Захыра завязать сношенія интересныя свѣдѣнія далъ секретарь его Ибнъ-абде-з-Захыръ († 692 г. = 1293): Въ 660 г. (1261,2) онъ (султанъ) написалъ къ Берке, великому царю татарскому, письмо, которое я писалъ со словъ его (и въ которомъ) онъ подстрекалъ его противъ Хулавуна, возбуждалъ между ними вражду и ненависть, да разбиралъ доводъ тому, что для него обязательна священная война съ татарами[2], такъ какъ получаются одно за другимъ извѣстія о принятіи имъ ислама и что этимъ вмѣняется ему въ долгъ воевать съ невѣрными, хотя бы они были его родичи. Вѣдь и пророкъ—надъ нимъ благословеніе Аллаха и миръ—сражался съ своими соплеменниками родичами и воевалъ противъ Курейшитовъ; ему было повелѣно (Аллахомъ) биться съ людьми до тѣхъ поръ, пока они скажутъ: нѣтъ божества кромѣ Аллаха! Исламъ не состоитъ только въ однихъ словахъ; священная война есть одна изъ (главныхъ) опоръ

[1] Тамъ же, вып. II, стр. 104—106.
[2] Т. е. татарами войска Гулагу.

его[1], и проч. Письмо это онъ отправилъ съ однимъ довѣреннымъ лицомъ изъ Алланскихъ купцовъ.

Султанъ обратилъ (также) вниманіе па благо всего мусульманства, назначивъ пословъ къ царю Берке — да возвеличится могущество его. Посланы были правовѣдъ Меджд эд-Динъ и эмиръ Сейфъ эд-Динъ Кушарбекъ, да вмѣстѣ съ ними два человѣка изъ прибывшихъ (въ Египетъ) татаръ, сподвижниковъ Сурагана[2]. При содѣйствіи ихъ онъ написалъ (ему) письма о положеніи дѣлъ ислама и (извѣстіе) объ избраніи халифа—да будетъ надъ нимъ миръ—и приказалъ изготовить родословную его (халифа Эль-Хакимъ-биамрилляха), восходящую до пророка—надъ которымъ благословеніе Аллаха и миръ! Она была написана и раззолочена. Онъ (султанъ) отправилъ ее къ царю Берке, послалъ и свое родословное древо, засвидѣтельствованное главою кадіевъ Таджъ эд-Диномъ[3].

Дальше Ибнъ-абде-з-Захыръ еще разъ вернулся къ этому событію: Когда прибылъ отрядъ татаръ, впервые явившихся къ султану, и онъ разспросилъ ихъ о положеніи дѣла, да узналъ (отъ нихъ) обстоятельства царя Берке, мѣстопребываніе его и путь къ нему, то онъ снарядилъ пословъ къ нему, какъ мы сказали выше. Вмѣстѣ съ ними онъ отправилъ двухъ человѣкъ изъ упомянутыхъ татаръ, принадлежавшихъ къ слугамъ и сторонникамъ царя (Берке) и знавшихъ (тѣ) земли. При посредствѣ (этихъ) пословъ онъ написалъ письмо, въ которомъ было многое по части расположенія и возбужденія къ священной войнѣ, описаніе войскъ мусульманскихъ, многочисленности и разноплеменности ихъ, (съ указаніемъ) сколько въ нихъ конницы, туркменъ, курдскихъ родовъ и арабскихъ племенъ, какіе владыки мусульманскіе и франкскіе повинуются имъ, кто противодѣйствуетъ имъ и кто съ ними въ ладу, кто посылаетъ имъ дары и кто съ ними въ перемиріи, да какъ всѣ они въ повиновеніи у него (султана) и послушны указаніямъ его. Кромѣ того (письмо содержало) возбужденіе противъ Хулавуна — да посрамитъ его Аллахъ! — объясненіе ничтожности его дѣла (т. е. легкости справиться съ Хулавуномъ), подстрекательство противъ него, порицаніе безпечнаго отношенія къ нему, и внушеніе дѣлать все, что будетъ дѣлать, во вредъ ему (Хулавуну). Онъ (султанъ) извѣщалъ въ немъ о прибытіи отряда татаръ, пришедшихъ въ (Египетъ) и заявившихъ ему, что они под-

---

[1] Сборникъ, стр. 55.

[2] Другіе историки объясняли, что прибывшіе въ Египетъ татары, въ количествѣ 200 человѣкъ, принадлежали къ отряду хана Берке, который послалъ Гулагу вспомогательное войско; но когда между этими родственниками произошелъ разрывъ, Берке приказалъ своимъ татарамъ вернуться къ нему, а если это окажется невозможнымъ, то уйти въ Египетъ.

[3] Сборникъ, стр. 56.

данные его (Берке), да о томъ, что имъ оказанъ почетъ и что все это (сдѣлано) ради его (Берке)[1].

Итакъ, дипломатическія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культурныя сношенія Египта съ Золотой ордой начались со стороны египетскихъ Мамлюковъ, для которыхъ борьба, возникшая между Гулагидами и Джучидами, была въ высшей степени полезна. Дѣйствительно она дала возможность султанамъ, владѣвшимъ Сиріей, удержать эту страну за собой и тѣмъ обезопасить Египетъ отъ монгольскаго нашествія. Понятно, что египетскіе султаны дорожили дружбой съ Джучидами, не скупились на богатые дары, и даже, при ханѣ Узбекѣ, состоялся между друзьями родственный союзъ, который, однако, не былъ счастливымъ.

Повидимому, Ногай увлекся примѣромъ хана Беркая, обратившагося въ исламъ, и тоже сдѣлался мусульманиномъ. Въ 669 г. (1270—1) прибыло въ Египетъ посланіе отъ Йесу-Ногая, «родственника царя Берке и главнаго предводителя войскъ его», въ этомъ посланіи Ногай сообщалъ: «Хвалю Аллаха всевышняго за то, что онъ включилъ меня въ число правовѣрныхъ и сдѣлалъ меня (однимъ) изъ тѣхъ, которые слѣдуютъ вѣрѣ очевидной», и далѣе: «мы идемъ по пути отца нашего Беркехана[2], слѣдуемъ за истиной и уклоняемся отъ лжи»[3]. Султанъ отвѣтилъ Ногаю письмомъ, въ которомъ заключалась «обильная доля признательности и прекрасное благовоніе похвалы»[4]. Съ тѣхъ поръ Ногай постоянно упоминался въ египетскихъ лѣтописяхъ, когда тамъ шла рѣчь о сношеніяхъ съ ханами Золотой орды въ XIII столѣтіи.

Посмотримъ, какую роль игралъ Ногай въ Ордѣ. Во время ханствованія Берке едвали Ногай могъ рѣшиться на проявленіе своей власти въ дѣлахъ высшаго управленія улусомъ: очень суровъ былъ этотъ ханъ, какъ видно изъ русскихъ лѣтописей; незамѣтно сколько нибудь рѣшительныхъ выступленій Ногая и при Менгутемирѣ; но послѣ смерти этого хана Ногай прибралъ къ рукамъ Чингизидовъ Золотой орды. Руннъ эд-Динъ Бейбарсъ замѣтилъ, что Ногай долгое время былъ правителемъ царства, неограниченно распоряжавшимся Берковичами[5], смѣщалъ тѣхъ изъ царей ихъ, кто ему не нравился, и ставилъ (тѣхъ), кого самъ выбиралъ[6]. У Ибнъ-Хальдуна

---

[1] Сборникъ, стр. 56—57.

[2] Ногай назвалъ Беркая отцомъ, конечно, въ знакъ почтительности.

[3] Сборникъ, стр. 101—2, 434.

[4] Тамъ же, стр. 122.

[5] [Такъ въ переводѣ Тизенгаузена; въ текстѣ بيت بركة «домъ Берке». «Берковичей» въ буквальномъ смыслѣ, т. е. потомковъ Берке, въ Золотой ордѣ не было. Ср. выше стр. 17, прим. 1. В. Б.]

[6] Тамъ же, стр. 110—111.

читаемъ: Ногай былъ правителемъ орды въ странѣ Сѣвера и имѣлъ полную власть надъ царями изъ дома Душихана (т. е. Джучи)[1].

Владѣнія Ногая были обширны. Мусульманскіе писатели не опредѣляютъ точно области, подчиненныя Ногаю; но нѣкоторыя указанія всетаки мы у нихъ находимъ. Такъ, Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ сообщилъ, что послѣ смерти Ногая ханъ Токта отправилъ во владѣнія Ногая своихъ сыновей Тукулбугу и Ильбасара, причемъ первый утвердился въ Исакчи, на рѣкѣ Дунаѣ и на мѣстахъ, прилегающихъ къ Желѣзнымъ Воротамъ, гдѣ находились становища Ногая, а Ильбасаръ устроился на рѣкѣ Яикѣ. Такъ перешли Сѣверныя области вполнѣ къ царю Токтѣ[2]. Затѣмъ, въ тѣхъ же источникахъ сообщается, что Ногай въ 698 г. (= 1298—9) далъ въ удѣлъ своему внуку Караджѣ, сыну Таштемира, городъ Крымъ[3]. Архимандритъ Леонидъ пишетъ: «Отложившись отъ Золотой или Большой орды онъ (Ногай) около 1270 года перекочевалъ къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря и, расположившись здѣсь, сталъ искусно расширять свое вліяніе на сосѣднія страны, вмѣшиваясь то въ междоусобныя, то въ домашнія ихъ распри»[4]. Арх. Леонидъ полагалъ, что Ногай утвердился въ низовьяхъ Дуная, въ Молдавіи[5]. Высказанный въ такой рѣшительной формѣ взглядъ архимандрита Леонида на Ногая я не могу раздѣлить. Не только въ 1270 г., но и позже[6] не видно, чтобы Ногай вполнѣ отложился отъ Орды и былъ бы самостоятельнымъ государемъ.

И русскія лѣтописи называютъ Ногая царемъ. Въ Воскресенской лѣтописи ему отведено совершенно опредѣленное мѣсто: «А се цари Большіе Орды, Батый Сеинъ, по немъ сынъ его Сартакъ, Берка, Менгутемирь, Ногой, Телебуга, Тохта, Озбякъ, Занебѣкъ, Кулпа, Наурусь, Хыдырь, Темирь-Хозя, у Мамая Авдула, Амурасъ въ Сараи, Азизъ у Мамая жь, Мамакъ салтанъ, по немъ сынъ его Тахтамышь, Темирь Аксакъ, Темиръ Кутлуй, Адибѣкъ, Булатъ салтанъ, Зеди салтанъ»[7].

Въ первый разъ имя Ногая встрѣчается у насъ въ Густинской лѣтописи подъ 6767 (1259) годомъ: «Третее прійдоша Татаре въ наши страны въ безчисленномъ множествѣ, со Бурундаемъ царемъ своимъ и Ногаемъ, съ ними же и неволею пойди Василко, Даниловъ братъ, иже паки созданныя

---

[1] Тамъ же, стр. 381.

[2] Тамъ же, стр. 111, 117, 161. Сѣверными областями египетскіе писатели называли владѣнія хановъ Золотой орды.

[3] Тамъ же, стр. 382.

[4] Ханъ Нагай, стр. 32.

[5] Тамъ же, стр. 37.

[6] Сборникъ, стр. 67—69, 105.

[7] П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 241. Зеди салтанъ названъ неправильно, должно быть Зеледи салтанъ; такъ называли у насъ Джелаль эд-Дина, сына Тохтамыша.

грады раздрушиша въ Русской землѣ; такожде и въ Литвѣ и въ Полщи огнемъ и мечемъ плѣняху, и взяша Завихостъ, Судомиръ, Краковъ, и прочія грады, и села огнемъ и мечемъ погубиша»[1]. Въ Ипатьевской же лѣтописи, при описаніи похода Бурундая, имя Ногая не упоминается и конецъ изложенъ иначе: «Василькови же ѣдоущоу по Бороундаи одиному по Литовьской землѣ, обрѣтъ негдѣ Литвоу. избивъ ю и приведе саигатъ»[2]. Здѣсь Бурундай не названъ царемъ и совершенно правильно, потому что хана съ такимъ именемъ въ Ордѣ не было; воевода Бурундай могъ быть самое большее темникомъ. Затѣмъ походъ отнесенъ къ 6768 (1260) году[3].

Чтобы выяснить участниковъ похода въ Польшу и его время, обратимся къ польскимъ источникамъ. Въ Хроникѣ Мартина Бѣльскаго, при описаніи правленія короля Болеслава Стыдливаго (Bolesław Wstydliwy, Boleslaus Pudicus, Bolesław Pudyk) и событій, предшествовавшихъ набѣгу, говорится: «Чего тогда внутреннія войны въ Польшѣ не уничтожили, то татары остатокъ сожгли. Они снова пришли съ большою силою черезъ русскія земли въ Польшу съ вождями своими, называемыми Ногаемъ и Телебугой. Съ ними были и русскіе князья и, вѣроятно, въ угоду Казимира[4]. А было то уже въ декабрѣ мѣсяцѣ, поэтому они прошли, гдѣ хотѣли. И миновавъ Люблинъ, шли они въ землю Сандомирскую, гдѣ, вторгшись безъ вѣсти, забрали много людей. Они взяли Завихостъ, ограбили и сожгли; тамъ Пудикъ построилъ недавно дѣвичій монастырь св. Клары и надѣлилъ его 25-ю деревнями, которыя татары разграбили, а также (монастырь?) у св.

---

[1] Ипатьевская лѣт., 1-е изданіе, стр. 342.

[2] Слово «сайгатъ» турецкаго происхожденія и было занесено къ намъ турками еще до появленія въ Россіи монголовъ, у которыхъ такого слова не встрѣчается. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 6682 (1174) г. говорится о побѣдѣ Игоря Святославича надъ половцами, послѣ чего Игорь «поча даяти саигатъ княземъ и мужемъ» (изд. 1908 г., стр. 569). Академикъ И. И. Срезневскій въ своемъ Словарѣ объяснилъ сайгатъ, какъ «военная добыча, трофеи» (т. III, стр. 244). Это несовсѣмъ вѣрно. Глаголъ саурғамак значитъ «сдѣлать подарокъ», «наградить». Это слово достаточно подробно объяснено П. М. Меліоранскимъ въ статьѣ «Заимствованныя восточныя слова въ русской письменности домонгольскаго времени» (Извѣстія отд. Русск. яз. и словесн. И. Акад. Н., т. X, Спб. 1905, кн. 4-я, стр. 125—127), поэтому я на немъ останавливаться не буду, замѣчу только, что у крымскихъ татаръ подъ названіемъ «гостинца» (савга) существовала подать, состоявшая изъ опредѣленной доли захваченныхъ въ набѣгѣ плѣнныхъ въ пользу хана (десятая часть).

[3] Густинская лѣтопись расходится съ Ипатьевской на одинъ годъ. Разница въ хронологіи лѣтописей, смущавшая еще Карамзина, въ послѣднее время нѣсколько разъяснилась благодаря разысканіямъ Н. В. Степанова, показавшаго, что лѣтописное времяисчисленіе сложилось изъ соединенія собственно русской системы счета времени и системъ, принесенныхъ въ Русь вмѣстѣ съ византійской хронологіей. Въ разныхъ мѣстахъ счетъ времени велся различно. См. его «Единицы счета времени (до XIII вѣка) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской лѣтописямъ» (въ Чтеніяхъ Ист. и Др. за 1909 г., кн. 4).

[4] Изъ русскихъ лѣтописей вполнѣ ясно видно, что подобное участіе нашихъ князей въ татарскихъ походахъ происходило не по доброй волѣ, а по требованію хановъ.

Креста. Они пришли къ Сандомиру, а такъ какъ въ городѣ не было никого, они сожгли его; затѣмъ обложили замокъ, осаждая его и днемъ и ночью, не давая отдыха; а когда они не были въ состояніи что-либо съ нимъ подѣлать, то Левъ и Романъ Даниловичи вступили въ переговоры съ Петромъ изъ Кремпы, старостой этого замка, и другими, говоря имъ: если вы желаете быть въ цѣлости и невредимости своего здравія и имущества, то ступайте вы, главари, въ палатки князей татарскихъ, съ дарами, просить милости, чтобы откупить себя и замокъ, а мы обѣщаемъ и ручаемся за свободный вашъ проходъ и возвращеніе. Повѣрили наши Руси, полагая, что они это дѣлаютъ изъ любви христіанской. Итакъ Петръ съ братомъ своимъ Збигневомъ и съ выдающейся шляхтой пошли къ вождямъ татарскимъ, унизились передъ ними, какъ были научены измѣннической Русью. Татары, какъ народъ вѣроломный и хитрый, бросились на нихъ, связали и обезглавили. Затѣмъ, сильнымъ натискомъ бросились къ замку, который въ то время никто не охранялъ, полагаясь на данное Русью обѣщаніе; тутъ татары проявили такую жестокость, больше которой никогда не могло быть, такъ какъ туда сбѣжались со всего края люди съ женами и дѣтьми. Татары, отобравъ изъ нихъ болѣе имъ пригодныхъ, остальныхъ перерѣзали, такъ что въ замкѣ кровь повсюду лилась потоками. А когда они уже утомились съ ними, то другихъ, какъ скотъ, загнали въ Вислу и утопили. Потомъ они обратились на Краковъ, который нашли обезлюденнымъ, только въ замкѣ заперся краковскій воевода Климентъ и оборонялъ его; а Болеславъ Стыдливый, съ женою, бѣжалъ въ Венгрію (мать же его только что передъ тѣмъ умерла), простой же народъ скрылся въ лѣса, а другіе въ горы. И такимъ образомъ опустошали въ то время татары всю страну вплоть до Бытомя или до самаго Qполя. Спустя три мѣсяца вернулись они въ цѣлости домой съ большою добычей. Происходило это лѣто Господня 1260, хотя Длугошъ относитъ это событіе на одинъ годъ раньше, кромѣ того Длугошъ говоритъ, что тогда татары были тутъ два раза; въ первомъ году въ декабрѣ, а потомъ — лѣтомъ. Дѣйствительно существуетъ на это большая вѣроятность, такъ какъ и теперь въ іюнѣ мѣсяцѣ совершаются въ Сандомирѣ церковныя торжества за упокой душъ погибшихъ мучениками. На это не мало отпущеній грѣховъ далъ папа Александръ IV[1]».

Тотъ же разсказъ, съ незначительнымъ измѣненіемъ въ подробностяхъ, но только подъ 1259 годомъ, приведенъ у Длугоша и озаглавленъ

---

[1] Marcin Bielski, «Kronica Polska», Warsz. 1830, II, p. 179—181. Переводомъ приведеннаго отрывка я обязанъ Б. И. Эпимахъ-Шипилло.

Не будетъ ли соотвѣтствовать второму, т. е. лѣтнему походу татаръ въ Польшу, тотъ, который описанъ въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1261-мъ годомъ, когда Бурундай разгромилъ Сандомиръ?

такъ: Thartari Poloniam per tres menses populantur, Sandomiriam cum castro acquirunt et comburunt, Boleslao in Hungariam fugiente, Cracoviam capiunt; tandem nullo resistere audente, cum maxima praeda ad suos revertuntur[1].

Оказывается, слѣдовательно, что у польскихъ писателей походъ также отнесенъ и къ 1259 г., и къ 1260-му. Какъ будто Густинская лѣтопись имѣла одинъ источникъ съ Длугошомъ, а Ипатьевская—съ М. Бѣльскимъ. Что наши лѣтописцы пользовались въ данномъ случаѣ польскими источниками, кажется вполнѣ возможнымъ; отмѣчу, что въ Густинской лѣтописи Пудикъ названъ по польски: Встыдливымъ[2]. Полною для насъ неожиданностью является въ числѣ вождей имя Телебуги. Мы не знаемъ, существовалъ ли въ Ордѣ другой Телебуга, кромѣ хана, царствовавшаго въ 80-хъ годахъ XIII ст.; но обыкновенно съ Ногаемъ соединяется ханъ Телебуга. Однако, участіе этого хана въ походѣ 1260 г. надо признать сомнительнымъ, во-первыхъ потому, что въ то время и отецъ его, Менгу-темиръ, еще не выступалъ на политическую арену, а во-вторыхъ потому, что на тридцать лѣтъ позже Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ представлялъ Телебугу, какъ хана молодого, нуждавшагося въ совѣтахъ опытнаго Ногая[3]. Могъ ли Телебуга быть молодымъ въ 1291 г., если онъ принималъ участіе въ походѣ 1260 г.? Я думаю, что имя Телебуги приведено въ польскомъ разсказѣ по недоразумѣнію; то же, кажется мнѣ, надо сказать и про Ногая. Оба они могли попасть въ польскую хронику подъ 1259—60 г. послѣ того, какъ Ногай и Телебуга дѣйствительно совершили въ 1286 г. набѣгъ въ Польшу. Я не отвергаю самый походъ, только думаю, что онъ былъ предпринятъ Бурундаемъ. Странно, что польскія лѣтописи не упомянули Бурундая, который, по свидѣтельству русскихъ лѣтописцѣвъ, произвелъ страшный погромъ въ Польшѣ[4]. Къ этому походу мы еще вернемся. Теперь же я остановлюсь на предполагаемомъ коварствѣ русскихъ князей, которые будто-бы ручались за безопасность сандомирскихъ депутатовъ. Если было здѣсь коварство, то не со стороны русскихъ, а татаръ, у которыхъ коварство входило въ систему военныхъ дѣйствій. Князья наши посовѣтовали сдѣлать то, что дѣлали сами, т. е. откупиться дарами или смягчить гнѣвъ татарскій; другого исхода не было. И такой пріемъ не всегда помогалъ избыть бѣду. Какъ разъ въ то же время, когда Бурундай въ 1261 г. предпринялъ походъ

---

[1] Ioannis Długossii, Historiae Polonicae libri XII. T. II, Cracoviae, 1873, p. 373—375.

[2] У М. Бѣльскаго: Pudicus, to iest wstydliwy. Стр. 132. Въ Густинской лѣтописи: 6786 (1278) «Болеславъ Встыдливый, король Полскій умре, и наста по немъ Лешко Чорный, братъ его» (стр. 343).

[3] Сборникъ, стр. 107—108.

[4] Ипатьевская лѣт., изд. 1908 г., стр. 852—855.

въ Польшу, галицкіе князья для спасенія своей земли прибѣгли къ подобной же мѣрѣ: «и приде Василко со Львомъ. и со владыкою (онъ замѣнялъ князя Даніила). передо нь с дары. ономоу же великоу опалоу створшоу на Василка князя и на Льва. владыка стояше во оужасти величѣ. и потомъ реч(е) Боуранда Васильковн. оже есте мои мирници. розмечете ж городы своѣ всѣ»[1]. Князья смирились и исполнили повелѣніе Бурундая. Значитъ, на этотъ разъ дары помогли. Подобныхъ примѣровъ наши лѣтописи даютъ не мало.

Съ конца 70-хъ годовъ XIII ст. имя Ногая встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ часто. Густинская подъ 6785 г. (1277) сообщаетъ: «въ се лѣто въ Татарехъ царъ Ногай»[2]. Какое вліяніе имѣлъ Ногай въ судьбѣ Руси, можно видѣть изъ показаній лѣтописцевъ. Въ 6785 г. «присла оканьныи и безаконьныи Ногаи послы своя с грамотами Тегичага. Коутлоубоугу. и Ешимоута. ко Львови и Мьсиславоу. и Володимѣрю. тако река. всегда мь жалоуете на Литвоу. осе же вы далъ есмь рать. и воеводу с ними Мамъшѣя. поидете же с нимъ. на вороги своѣ. зимѣ же приспѣвше. и тако поидоша. князи Роусции на Литвоу»[3]. Въ 6788 г. (1280) Левъ Даниловичъ, «восхотѣ собѣ части въ землѣ Лядьской. города на Въкраини. еха к Ногаеви оканьномоу проклятому. помочи собѣ оу него на Ляхы. онъ же да емоу помочь оканьнаго Кончака. и Козѣя. и Коубатана»[4]. Въ 6789 г. (1281) Андрей Александровичъ «упроси себе княженіе Московское, подъ рожонымъ братомъ Димитріемъ, у царя Татарского Ногая, и тако пришедъ съ Татары на брата на самое Рождество Христово»[5]. «А князь велики Дмитрей Александровичь з дружиною своею, и со княгинею, и з дѣтми и со всѣмъ дворомъ своимъ бѣжа въ Орду, ко царю Ногою, и сказа ему вся поряду, извѣствуася сму со слезами, и многи дары даде ему и всѣмъ княземъ его. Царь же Ногой послуша его и дръжаше его въ чти»[6]. Исторія Курскаго княжества хорошо характеризуетъ порядки въ Ордѣ при Ногаѣ. Ханъ Телебуга, по просьбѣ курскихъ князей, поддержалъ ихъ противъ баскака Ахмата, слободы котораго въ Курскѣ были раззорены; Ногай же энергично поддержалъ Ахмата, и онъ бояръ «изби и по древію извѣша», а землю пусту сотворилъ[7]. Интересно, какъ упрекалъ курскій князь Олегъ Святослава Липовичскаго за ограбленіе бесерменовъ: «не идешь ни к своему цесарю (т. е. къ хану Телебугѣ), ни к Ногою на исправу»[8]. Здѣсь прямое указаніе

---

[1] Ипатьевская лѣт., стр. 849.
[2] Густинская лѣт., стр. 345.
[3] Ипатьевская лѣт., стр. 867.
[4] Тамъ же, стр. 881.
[5] Густинская лѣт., стр. 346. Новгородская 4-я лѣт., стр. 245.
[6] Никоновская лѣт., стр. 161.
[7] Тамъ же, стр. 162—164.
[8] Лаврентьевская лѣт., стр. 459. Никоновская лѣт., стр. 165.

на раздѣленіе власти въ Ордѣ: можно было идти къ своему хану, но и Ногай былъ настолько силенъ, что равнялся съ ханомъ своимъ значеніемъ и могъ оказать защиту въ случаѣ надобности.

У византійскихъ писателей сохранилось много свѣдѣній о Ногаѣ и особенно у Георгія Пахимера, описавшаго главнымъ образомъ царствованія Михаила Палеолога и Андроника Старшаго. Онъ привелъ о появленіи Ногая въ южной Россіи такія подробности, которыя у другихъ авторовъ не встрѣчаются. Привожу этотъ отрывокъ въ переводѣ В. В. Латышева:

Этотъ Нога былъ могущественнѣйшій мужъ изъ Тохаровъ (т. е. Татаръ), искусный въ предводительствѣ войсками и опытный въ дѣлахъ. Онъ съ огромнѣйшими силами изъ соплеменныхъ Тохаровъ, которыхъ они называютъ Мугуліями, будучи высланъ (правившими) у Каспійскихъ (воротъ) начальниками племени, которыхъ называютъ Капидами (ханами), нападаетъ на сѣверные народы по Евксинскому (понту), которые въ старину были подвластны Римлянамъ (т. е. Византіи), а (потомъ), когда городъ былъ взятъ и дѣла у Римлянъ стали въ стѣсненное положеніе, сдѣлались самостоятельными, оставшись безъ повелителей. Явившись (туда), онъ безъ всякаго труда присоединилъ и подчинилъ ихъ. Увидѣвъ, что (эти) земли плодородны и народы сами по себѣ достаточны для (образованія) государства, онъ отлагается отъ пославшихъ и присоединяетъ народы къ себѣ. Съ теченіемъ времени имѣвшіе съ ними сношенія жители средиземныхъ областей, я говорю — Аланы, Зикхи, Готѳы, Росы и разные сосѣдніе съ ними народы, узнаютъ ихъ нравы, перенимаютъ по привычкѣ языкъ и одежду и дѣлаются ихъ союзниками. И немного спустя напавшій на нихъ народъ Тохарскій увеличивается до безчисленнаго множества, и они, куда бы ни пошли, дѣлаются несокрушимыми по своимъ силамъ, такъ что нѣкоторые изъ прежнихъ господъ, по закону войны пошедшіе на нихъ походомъ, какъ на отступниковъ, не только не одолѣли ихъ, но и потерпѣли сильное пораженіе, павши (въ бою)[1].

Возможно, что продвиженіе Ногая къ Дунаю произошло такъ, какъ изложилъ Пахимеръ, т. е. вслѣдствіе приказанія какого-то хана: провѣрить это свидѣтельство другими источниками мы не можемъ. Но о какой попыткѣ хановъ смирить Ногая сообщилъ Пахимеръ, очень скупой на хронологію, намъ неизвѣстно. Не скрывается ли здѣсь столкновеніе Ногая съ ханомъ Телебугой? Едва-ли основательно Пахимеръ причислилъ Русскихъ къ числу добровольныхъ союзниковъ Ногая, хотя возможно, что нѣкоторые русскіе князья по собственному почину подчинились Ногаю, чтобы найти у него поддержку въ своихъ личныхъ интересахъ. Въ такомъ случаѣ объяснилось бы

[1] Georgii Pachymeris, De Michaele et Andronico Palaeologis. Bonnae, 1835. V. I, L. V, 4, p. 344.

выраженіе нашихъ лѣтописей — ѣхать къ своему хану Ногаю. Интересно указаніе Пахимера на принятіе «союзниками», въ томъ числѣ и Русскими, обычаевъ и одежды татаръ. До реформъ Петра Великаго наша одежда имѣла татарскій характеръ, теперь ее напоминаютъ лишь незначительные пережитки; такъ, четыреугольный верхъ кучерскихъ шапокъ есть особенность монгольская, такою же монгольскою особенностью является квадратная верхушка уланскихъ киверовъ, удержавшаяся несмотря на всѣ измѣненія въ этомъ уборѣ. Да и самое названіе уланъ происходитъ отъ татарскаго слова огланъ. Думаю, что и павлинье перо у кучеровъ, встречающееся изрѣдка и теперь, тоже идетъ съ Востока[1].

Къ 1273-му году Пахимеръ относитъ женитьбу Ногая на побочной дочери императора Михаила Палеолога, Евфросиніи. Послѣ такого событія сношенія между обѣими сторонами сдѣлались оживленными. У Пахимера по этому поводу отмѣчены любопытныя подробности касательно Ногая. Это изложеніе приводится здѣсь въ переводѣ В. В. Латышева:

Но въ это время царь, ухаживая за начальникомъ ихъ Ногаемъ, не переставалъ посылать ему въ огромномъ количествѣ какъ одежды (дословно: то, что относилось къ пользованію одѣяніями), такъ и разнообразные съѣстные припасы, а сверхъ того щедро посылалъ цѣлыя бочки ароматныхъ винъ. Ногай съ удовольствіемъ бралъ съѣстные припасы и напитки, а также принималъ и золото и серебро въ кубкахъ, а разнообразныя вещи, служившія для накрыванія головы[2] или для одѣянія (ибо царь щедро посылалъ и такія вещи), трогалъ руками и спрашивалъ у доставившаго, полезенъ ли головной уборъ для того, чтобы голова не испытывала ничего дурного и не болѣла, можетъ ли жемчугъ, которымъ онъ усыпанъ, защищать ее отъ молній, отвращаетъ ли камень удары грома, такъ чтобы носящій его не былъ поражаемъ громомъ, наконецъ, способствуютъ ли драгоцѣнныя одежды здоровью (ἀπονία — отсутствіе труда, легкость) членовъ (тѣла). Если они отрицали, то онъ отбрасывалъ ихъ или, поносивъ немного, на столько, чтобы соблюсти приличіе дружбы, снималъ и тотчасъ надѣвалъ обычную собачину или овчину, ношеніемъ которой чванился больше, чѣмъ драгоцѣнными одѣяніями. Точно такъ же поступалъ онъ и съ головными уборами, предпочитая необходимый для употребленія ненужнымъ, хотя бы и драгоцѣннымъ. Если же тотъ (т. е. принесшій даръ) умышленно говорилъ, что данная одежда приноситъ носящему какую бы то ни было и гдѣ бы то ни было пользу, то

---

[1] У китайцевъ до послѣдняго времени пожалованіе павлиньяго пера на шапку соотвѣтствовало наградѣ орденомъ въ Европѣ.

[2] Καλύπτρα дословно значитъ: покрышка, покрывало.

онъ тотчасъ вѣрилъ и носилъ ее, обращая вниманіе не на камни и не на жемчуги, а на пользу[1].

Въ другомъ мѣстѣ Пахимеръ сообщилъ: дерзость Тохарцевъ мы еще удерживали — не мужествомъ войскъ, а дружественными, или лучше сказать, рабскими пожертвованіями, — вступали съ ними въ родственныя связи и посылали имъ подарки, иногда превосходные и величайшіе[2].

Перейдемъ къ разсмотрѣнію походовъ Ногая вмѣстѣ съ ханомъ Телебугой въ Венгрію и въ Польшу. Ипатьевская лѣтопись передаетъ дѣло такъ:

«Въ лѣто 6790. Пришедшоу оканьному и безаконьному Ногаеви и Телебоузѣ с нимь на Оугры в силѣ тяжьцѣ во бещисленомъ множьствѣ. вѣлѣша же с собою поити. Роускимъ князємь. Львови Мьстиславоу. Володимѣроу. Юрьи Львовичь... бысть идоущоу оканьномоу и безаконьному Ногаеви и Телебоузѣ с нимь воевавшима землю Оугорьскоую. Нога поиде. на Брашевъ. а Телебоуга поиде. поперекъ Гору. што бяшеть перейти. треими дньмии и ходи. по 30 днии блоудя въ горахъ. водимъ гнѣвомъ Божиимъ и бысть въ нихъ голодъ великъ. и начаша людие. ѣсти. потомъ же начаша и сами измирати и оумре ихъ бещисленое множьство. самовидчи же тако рекоша. оумерших бьсть сто тысячь. оканьныи же и безаконьныи Телебоуга выиде пѣшь. со своею женою. об одноп кобылѣ. посрамленъ отъ Бога»[3]. Походъ отнесенъ къ 1282-му году. Но Густинская лѣтопись относитъ его на два года позже: «Въ лѣто 6792 (1284). Прійде паки царъ Татарскій Ногай и Телебуга, со безчисленнымъ множествомъ Татаръ, на Угровъ и и Грековъ[4], и повелѣша со собою ити Льву Даниловичу со Юріемъ сыномъ своимъ, и Мстиславу, и прочіимъ Рускимъ княземъ, а Володымаръ за немощъ не иде; идѣже многа зла сотвориша беззаконныи Татаре христіаномъ. Попусти же Богъ казнь свою и на Татаръ: поблудивше бо Татаре межи горами, въ пустыняхъ, яко нетокмо кони ядоша, но и людей ядяху отъ глада,

---

[1] Georg. Pachymer, L. V. 4, p. 347—348.

[2] Тамъ же, стр. 180.

[3] Ипатьевская лѣтопись, изд. 1908 г., стр. 888-891.

Ироническое выраженіе лѣтописца «объ одной кобылѣ» надо понимать такъ, что у хана осталась всего одна лошадь, почему Тулабуга принужденъ былъ помѣстить свою жену на той же лошади сзади себя, какъ и теперь въ Туркестанскомъ краѣ зачастую ѣздятъ туземцы, не обладающіе большими достатками, и какъ никогда не рѣшится проѣхать мѣстный аристократъ или человѣкъ съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, а тѣмъ болѣе владѣтельная особа. Даже простые татары имѣли во время похода по двѣ лошади, а то и больше, иногда до пяти.

[4] Курсивъ принадлежитъ издателю, что онъ хотѣлъ этимъ подчеркнуть, я не знаю. Длугошъ, описывая этотъ походъ, заканчиваетъ такъ: Invaserunt et eo anno Thartari Imperium Constantinopolitanum, multasque terras Imperii, caede ingenti in hominibus facta, occuparunt. Стр. 482.

и умре ихъ тамо отъ глада около ста тысячей. Телебугъ же едва въ малѣ дружинѣ выблудися» (стр. 346).

Подъ 6791 (1282) г. описывается походъ Телабуги съ Ногаемъ въ Польшу. «Хотящоу поити. оканьному и безаконьномоу Телебоузѣ на Ляхи. и собравшоу емоу силоу многоу. забывшоу емоу казни Божиѣ, еже сбыся надъ нимъ. во Оугрѣхъ. о немже передѣ сказахомъ. и приде къ Ногаеви. бяше же межи има нелюбовье велико... Телебоуга же хотяше ити. ко Кракову. и не дошедъ его воротися во Торжькоу. вѣсть бо приде к немоу. оже Ногаи передилъ его. ко Кракову прити. и про се бысть межю има болше нелюбье. и тако не снѣмавшас с Ногаемь, и поиде назадъ. на Лвовоу землю. на городъ на Лвовъ... Ногаи же оканьныи не иде с Телебоугою в Ляхи. одиною дорогою. зане бысть межи има нелюбье велико. но иде своею дорогою. на Перемышль. пришедшоу же емоу к городу. Краковоу. и не оуспѣвъ оу него ничтоже. яко же. и Телебоуга оу Соудимиря. но воеваше землю Лядьскоую. а с Телебоугою не снимася. зане боястася оба. сии сего а сеи сего. и тако поидоша назадъ свое вѣжѣ. Телебоуга поиде своею дорогою опять. а Ногаи своею дорогою»[1].

Густинская лѣтопись описываетъ этотъ походъ подъ 1286 г. и гораздо короче:

«Въ лѣто 6794 (1286). Паки, попущеніемъ Божіимъ, пріиде Ногай и Телебуга со множествомъ Татаръ, аки прузи, на Полскую землю, повелѣ же со собою пойти и Рускимъ княземъ и Волынскимъ, Лву, Мстиславу Даниловичомъ, и Володымеру Василковичу и проч., иже неволею пойдоша съ ними, и плѣниша около Люблина и Мазоше; потомъ, прешедше Вислу рѣку, пріидоша къ Судомиру и не могоша его взяти, токмо окрестъ поплѣниша землю огнемъ и мечемъ. Ногай же иною дорогою пойде ку Кракову и пріиде на самое Рождество, и не може взяти града, токмо поплѣни окрестныя страны огнемъ и мечемъ; королъ же Лешко Чорный со женою и бояры избѣже во Угры. Татаре же сотворивше Лядзкую землю пусту, возвратишася со великою користію и полономъ многимъ; егда бо дѣляхуся, самыхъ безмужныхъ дѣвицъ обрѣтеся въ плѣнѣ двадесять тысящъ и една. Многа же зла тогди сотвориша и Русской землѣ, возвратившися, аще не мечемъ и не огнемъ, понеже Русь помагаху имъ, но чарами своими: изъемше бо сердце человѣческое мочаху во ядѣ аспидномъ и полагаху въ водахъ, и отъ сего воды вся въ ядъ обратишася, и аще кто отъ нихъ піяше, абіе умираше; и отъ сего великій моръ бысть по всей Русской землѣ»[2].

---

[1] Тамъ же, стр. 891-895.
[2] Густ. лѣт., стр. 347.

Не прошелъ этотъ походъ незамѣченнымъ и у мусульманскихъ писателей. У Рукнъ эд-Динъ Бейбарса сообщается о немъ слѣдующее:

Въ 686 г. (1287,8). Тулабуга сталъ царствовать вмѣсто дяди своего Туданменгу, снарядился въ походъ и отправился съ войсками своими въ землю Краковскую (*к-р-к*) для опустошенія ея и войны съ жителями ея. Онъ послалъ къ Ногаю, приказалъ ему двинуться съ находящимися у него войсками, тѣми десятками тысячъ, которыя были у него. Сошлись они оба въ предположенномъ мѣстѣ, разлили повсюду опустошеніе, грабили что хотѣли, убивали кого хотѣли и вернулись. Между тѣмъ уже настала зима, выпало множество снѣга и стали затруднительны пути. Ногай съ бывшими при немъ (войсками) отдѣлился отъ него (Тулабуги), отправился въ свои зимовья и невредимо добрался со всѣми своими. Тулабуга же пошелъ по безпріютнымъ пустынямъ и непроходимымъ степямъ и сбился съ главной дороги. Его и войско его постигли чрезвычайное затрудненіе и бѣдствіе; большая часть ихъ погибла отъ сильной стужи и недостатка силъ. Уцѣлѣли лишь немногіе изъ нихъ. Это крайне огорчило Тулабугу, и онъ заподозрилъ Ногая в томъ, что все это случилось по его кознямъ и интригамъ, изъ-за того, чтобы погубить войско его и извести родъ его. Въ него закралась вражда и вселилась злоба за то, что его и войско его постигла сильнѣйшая бѣда, которая довела ихъ до того, что они ѣли мясо животныхъ, служившихъ имъ для верховой ѣзды, и собакъ, которыхъ они взяли съ собой, да мясо тѣхъ изъ нихъ, которые умирали отъ голода[1]. Эн-Нувейри, повторяя разсказъ Рукнъ эд-Дина о Тулабугѣ, отмѣтилъ: «Положеніе (критическое) довело его до того, что люди его ѣли вьючный скотъ свой, охотничьихъ собакъ и мясо тѣхъ изъ нихъ (людей), которые умирали отъ сильной степени постигшаго ихъ голода. Онъ (Тулабуга) заподозрилъ, что Ногай съ умысломъ устроилъ ему (эту) западню, и задумалъ противъ него недоброе»[2].

Если сопоставить разсказъ Ипатьевской лѣтописи съ мусульманской версіей, то получимъ общую картину злосчастнаго похода Тулабуги на западъ поразительно сходно нарисованной обоими повѣствователями; но въ подробностяхъ встрѣчаемъ серьезныя противорѣчія. Во-первыхъ, русскій лѣтописецъ говоритъ о двухъ отдѣльныхъ походахъ: въ Венгрію въ одномъ году и въ Польшу въ слѣдующемъ году. Мусульманскій же писатель слилъ оба похода въ одинъ подъ названіемъ Краковскаго. Наша лѣтопись имѣетъ передъ египетскимъ повѣствованіемъ преимущество, такъ какъ русскій лѣтописецъ стоялъ къ событіямъ ближе египетскаго историка; въ первомъ походѣ принимали участіе русскіе князья, конечно, съ русскими

---

[1] Сборникъ, стр. 106.

[2] Тамъ же, стр. 156. Изложеніе этого похода у Ибнъ-Хальдуна см. тамъ же, стр. 381.

отрядами[1], слѣдовательно очевидцевъ событій было много, и на «самовидцевъ» указалъ лѣтописецъ. Египетскій авторъ, находившійся очень далеко отъ военныхъ дѣйствій, легко могъ соединить оба похода потому еще, что они слѣдовали одинъ за другимъ. Во-вторыхъ, время военныхъ походовъ указывается различно. По Ипатьевской лѣтописи венгерскій походъ былъ предпринятъ въ 1282 г., а польскій въ 1283-мъ, у Рукнъ-эд-Динъ Бейбарса указанъ годъ краковскаго похода 686-й (съ 16 февр. 1287 по 5 февр. 1288). Разница очень значительная, которую можно было бы, пожалуй, объяснить тѣмъ, что свѣдѣніе о походѣ татаръ на Краковъ дошло въ Египетъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія; но ошибка, какъ увидимъ, сдѣлана въ русской лѣтописи. Наконецъ, третье разногласіе касается пути Тулабуги. Рукнъ-эд-Динъ Бейбарсъ говоритъ о безпріютныхъ и непроходимыхъ степяхъ, въ которыхъ заблудился Тулабуга; а русскій лѣтописецъ указалъ на горы, что и соотвѣтствуетъ дѣйствительности[2]. Кочевникъ въ степи не заблудится, это его родная стихія, крымскіе татары нерѣдко дѣлали зимніе набѣги на Польшу, чтобы обойтись безъ бродовъ черезъ рѣки[3]; иное дѣло горы зимою для кочевниковъ, обыкновенно не берущихъ въ походъ сколько нибудь значительныхъ запасовъ, тутъ катастрофа вполнѣ возможна.

Чтобы выяснить разногласіе русскихъ и мусульманскихъ лѣтописей о времени походовъ Ногая съ Телебугой въ Венгрію и Польшу, надо обратиться къ источникамъ венгерскимъ и польскимъ. Такъ какъ венгерскій походъ предшествовалъ польскому, то разсмотримъ сперва первый. Въ венгерской хроникѣ за XIII ст. упомянуты два нашествія татаръ въ Венгрію: первое подъ начальствомъ Батыя въ 1241 г. и второе въ 1285 г. Послѣднее описано кратко, говорится только, что татары безжалостно все жгли до

---

[1] Участіе русскихъ воиновъ въ татарскихъ походахъ не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя наши лѣтописи объ этомъ говорятъ очень рѣдко. Помимо прямыхъ указаній лѣтописцевъ на требованіе вспомогательнаго войска, отмѣчу одно интересное свидѣтельство Новгородской 4-й лѣтописи подъ 6781 г. (1273): «Бысть число 2-е изъ Орды отъ царя» (стр 243). Это значитъ, что въ указанномъ году ханъ вторично потребовалъ число, т. е. опредѣленное количество русскихъ ратниковъ для какого-то похода. По основному требованію монголовъ, покоренные народы должны были выставлять десятую часть мужского населенія для монгольскихъ войскъ, съ какою цѣлью и пріѣзжали къ намъ численники, обязанность которыхъ состояла въ переписи мужского населенія. Архимандритъ Палладій нашелъ указаніе въ китайской литературѣ на присутствіе русскихъ отрядовъ даже въ войскѣ Хубилая во время завоеванія южнаго Китая во второй половинѣ XIII в.

[2] Надо, однако, замѣтить, что арабскій текстъ допускаетъ нѣсколько иной переводъ, чѣмъ далъ В. Г. Тизенгаузенъ; слова البيد المتوعّرة والفيافى المتعسّرة могутъ относиться и къ горамъ и къ ущельямъ; выраженіе المتوعّرة даже по преимуществу относится къ неровностямъ почвы, и корень وعر противополагается корню سهل.

[3] Пахимеръ выразился про татаръ, что они привыкли воевать зимою (I, 525).

самаго Пешта: Secunda vice intrant Tartari. quorum instinctu Tartari anno Domini Milesimo Ducentesimo octuagesimo quinto secunda vice intraverunt in Hungariam, et usque Pesth universa miserabiliter combusserunt[1]. Ни раньше, ни позже о набѣгѣ татаръ въ Венгрію не говорится. У Длугоша читаемъ: Maiori autem pernicie Hungaria a Thartaris, quam Prussia a vermibus afflicta est[2]. Hi siquidem a Comanis, quos Hungari vicerant, instigati, Hungariam infra octavas Epiphaniae adveniunt, et caedibus spoliisque eam usque ad Pest et Budam pervastant, tanta freti multitudine, ut Wladislaus Hungariae Rex congredi cum illis timuerit. Diutius autem Thartari in Pannoniis usque post festa Paschae commorati, tantum illis intulerant dispendium, ut pecoribus et iumentis deficientibus, homines bigas trahendo et aratra, vicem pecorum supplerent. Grandis tandem mortalitas, quae multa eorum millia extinxit, secedere illos ex Pannoniis coëgit[3].

Въ разработанной исторіи Венгріи о татарахъ въ 1285 г. сообщается также скупо: «Состояніе страны было до того бѣдственно и безпомощно, что Ольдамуръ 1285 съ шайкой кумановъ (половцевъ) и ногайскихъ татаръ напали на страну, причинили большое опустошеніе, проникли до Пешта и могли безпрепятственно вернуться обратно»[4]. Эта замѣтка, по своей краткости и неопредѣленности, не даетъ даже основанія отожествлять набѣгъ Ольдамура съ набѣгомъ Телабуги и Ногая. Только О. Вольфъ въ своей «Исторіи Монголовъ или Татаръ» говоритъ о зимнемъ (1285—86) походѣ Ногая и Телабуги въ Венгрію вполнѣ опредѣленно[5].

Походъ въ Польшу въ польскихъ источникахъ, именно у Б. Бѣльскаго, описанъ слѣдующимъ образомъ: «Въ этомъ же году (1286 г.), въ декабрѣ мѣсяцѣ огромное сборище татаръ пришло съ вождями своими, Ногаемъ и Телебугой, а также съ Русью въ землю Люблинскую и въ Мазовію, а затѣмъ въ землю Сандомирскую; но отъ Сандомира ихъ прогнали; затѣмъ прошли въ землю Краковскую, гдѣ они разграбили и сожгли много костеловъ, монастырей и замковъ, только не затронули монастырь на Лысой горѣ, по совѣту Руси. Въ Краковъ они пришли наканунѣ Рождества Христова; обложили городъ; потерявъ около него нѣсколько знатныхъ лицъ своихъ, они удалились, причиняя повсюду въ окрестностяхъ большіе убытки и дошли

---

[1] Marci Chronica de Gestis Hungarorum ab origine Gentis ad annum м. ccc. .xxx. producta. Recensuit etc. Franciscus Toldy. Pestini, 1867. P. 103.

[2] О нашествіи ядоносныхъ червей на Пруссію Длугошъ сообщилъ въ предшествующей статьѣ.

[3] Ioannis Dlugossii «Historia Polonica». T. II, Cracoviae, 1873, p. 481—2. Статья озаглавлена: Thartari Hungariam longe lateque pervastant, et multis occissis, quasdam terras Imperii Constantinopolitani occupant.

[4] Ignaz Aurelius Fessler, «Geschichte von Ungarn». Leipzig, 1867. S. 439.

[5] O. Wolff, «Geschichte der Mongolen oder Tataren». Breslau, 1872. S. 412—413.

до Татръ (горы). Лешекъ, будучи слабымъ, уѣхалъ въ Венгрію съ своею женою Грифиной. Въ то время Кунегунда, жена Болеслава Стыдливаго, съ двумя сестрами, Іолантой и Констанціей, женою Даніила, короля русскаго, и съ 70-ю дѣвицами бѣжала изъ Сондецкаго монастыря въ горы Пенинскія и жила тамъ все время войны татарской. Монастыря этого, гдѣ она жила, татары всетаки не сожгли изъ-за заслугъ св. Кунегунды, какъ пишутъ. Лѣта 1287 вернулись отсюда татары, завоевавъ много странъ, гдѣ однѣхъ только дѣвицъ насчитали 20,000, когда они дѣлились добычей у Владиміра; много, стало быть, народу должны были они взять въ плѣнъ. Проходя черезъ Русь, не причиняли они никакого вреда Руси, потому что съ ними вмѣстѣ ходили на Польшу. Всетаки, какъ говорится, зло хотя не укуситъ, однако отзовется. Такъ поступили и они, ибо въ Руси они отравили всѣ воды въ рѣкахъ, набросавъ туда напитанныя ядомъ сердца человѣческія, такъ что очень много начало болѣть отъ этихъ водъ и умирать и былъ на Руси моръ великій на слѣдующій годъ; особенно потому, что не скоро обратили на это вниманіе»[1].

У Длугоша подъ 1287 г. сообщается:

Ferocissima et immanis gens Thartarorum, Pseudo-Mahomethi spurcissimos et detestabiles ritus professa, tam actione quam nomine Christiano nomini inimica, dum in sedibus suis fame et inedia vexaretur, in gravi multitudine in terras Polonorum, famen sedatura, ducibus Nogay et Thelebuga, processit. Et Ruthenorum quidem terris, per quas iter agebat, tributa illi iam tunc reddentibus, aliquantisper victualium receptione, ut famem excluderet, vexatis, primum in Lublinensem et Masoviae, expost in Sandomiriae, Siradiae et Cracoviae oras et terras, in locustarum numerum et morem pluribus agminibus dispartita, undecima Decembris die, quamvis fortissimis frigoribus et densissimis nivibus oras omnes Polonicas prementibus, pervenit. Et pluribus monasteriis, ecclesiis et munitionibus, in quas se homines abdiderant, conquisitis et incensis, a castro et civitate Sandomiriensi, in cuius conquisitione dies aliquot immorabantur, cum ignominia et strage repulsa est, militibus qui in praesidio erant, arcem et civitatem strenue protegentibus. A monasterio insuper Sanctae Crucis Calvi montis exercitus Thartaricus se continuit, neque illum locum, suadentibus Ruthenis, qui in eorum comitatu erant, violare, sed nec attingere, ultionem divinam, si secus facerent, non evasuri, praesumpsit. Applicaverunt posthaec in vigilia Nativitatis Christi Cracoviam, et illam expugnare orsi, dum aliquot insignes pugnatores amisissent, magno ululatu edito ab ea discedunt et populationem ac spolium

---

[1] Zbiór pisarzów polskich. Стр. 219—220. I. Длугошъ, стр. 493. Переводъ принадлежитъ Б. И. Эпимахъ-Шипилло.

latius per vicos et rura, neminem credentes suae multitudini posse aut audere resistere, extendunt. Potuisset Lestko Niger Cracoviensis Dux palantes per agros Thartaros aequo loco, visa opportunitate, invadere: sed et multitudo nivium, et militum imbecillis, fractusque animus, obstabant. Metu itaque nimio correptus et de viribus suis et militum suorum diffidens, in Hungariam secessionem cum coniuge Griphina et nonnullis baronibus fecit: propter quod Thartari, ex captivis Ducem Lestkonem in Hungariam secessisse docti, omnem Cracoviensis terrae oram versus Sandecz sitam, et usque ad Alpes Pannonicas licentius vastabant. Sub quo quidem tam miserabili tempore, felix Ducissa Kinga, Boleslai olim Cracoviensis Ducis vocati Pudici relicta, cum septuaginta sanctimonialium Sandecensium coetu, nec non et duabus germanis suis, Iolentha Boleslai Pii Calissiensis Ducis et Constantia Danielis Russiae Regis relictis, quae et ipsae sacram religionem et habitum induerant, multisque sacerdotibus et militibus, in castrum Pyenini, quod supra fluvium Dunayecz et prope oppidum Kroszczenko consistens, situm habet natura munitissimum et arte, uno tantum angusto transitu adibile, contulit se, et illic per tempus vastationis Thartaricae secura mansit. Ad quod licet Thartari cum exercitu applicuissent, non tamen illud audebant nedum impugnare, sed nec contingere, Divinitate illis immittente pavorem. Sed nec monasterium suum, quod deseruerat, fuit a barbaris aut incensum aut violatum, efferatam barbariem prece et merito felicis Ducissae Kingae restringente. Terris itaque nominatis, populo christiano et pecore enormiter spoliatis, senibus, sacerdotibus trucidatis et lactantibus, tam ingentem hominum utriusque sexus, generis Polonici, praedam cepisse comperti sunt, ut praeda apud Wladimiriam partita, viginti unum millia de virginibus iuvenculis, nondum nuptis, fuere numerata. Ex quo uno magnitudo caeterorum virorum, feminarum et parvulorum in captivitatem abductorum, poterit, habita iustiori aestimatione, conferri. Genus autem pugnae, quo Thartari in bellis utuntur, a caeteris nationibus diversum est[1]. Далѣе описывается способъ веденія татарами войны. Относительно эпидеміи Длугошъ говоритъ подъ 1288 г. слѣдующее:

Ingens pestis et mortalitas in plerisque Russiae terris invalescens, plurimos mortales in sexu utroque extinxit: quae non ex coelestium influentia, neque contagione aut aurae afflatu causata, sed ex aquis malignitate Thartarorum, quos Rutheni superiori anno in vastandis Polonorum regionibus adiuverant, seque illis associaverant, infectis, scita est iustissimo Dei iudicio provenisse, ut Rutheni sui pessimi obsequii Thartaris in debellationem Polonorum praestiti, condignam exciperent mercedem, pessimo genere exitii ab his conficiendi, quibus contra Catholicos, qui et ipsi Catholici aestimari volunt, prae-

[1] Historia Polonica, II, p. 489—490.

sidium tulerant. Thartari siquidem post partitam et in varias nationes venundatam ex captivis Polonis sexus permiscui praedam, terris Russiae excessuri, et Ruthenis clandestinam, dum apertem, prohibentibus suis Ducibus, nequirent, perniciem irrogaturi, undas eorum et flumina hoc modo inficiunt. Corda siquidem Christianorum Polonorum ex captivorum grege, quos pro sortilegiorum, divinationum, incantationum et auguriorum officiis, quibus gens illa magnopere dedita est, peragendis, plus quam centum numero occiderant, de cadaveribus occisorum extracta, fortissimis venenis inebriant et inficiunt, et tam in profluentes quam stagnantes aquas, verubus et lignis in longum porrectis, ut diutius durarent, imposita, immergunt: a quibus aquae infectae adeo in Ruthenos, qui aquas illas quocumque usu contingebant, venenum et morbos vulgaverant, ut subito procumbentes, nullis antidotis profectum offerentibus relevati, occiderint. Sero tandem et plurimis per tabem in corpora ingestam consumptis, latens malum deprehensum est, et aquarum usus velut fatalis et pestifer a Ruthenis fastiditus[1].

Оказывается, слѣдовательно, что венгерскія и польскія хроники близко подходятъ къ хронологіи мусульманскихъ лѣтописей.

Не можетъ не показаться страннымъ, что татары и въ 1259 г. (или въ 1286-мъ) дѣлаютъ набѣгъ на Польшу одинаково подъ предводительствомъ вождей Ногая и Телебуги, и оба раза въ декабрѣ и съ русскими князьями. Какъ раньше Болеславъ Стыдливый бѣжалъ съ женою своею въ Венгрію, такъ во второмъ случаѣ Лешекъ со своею женою уѣхалъ въ Венгрію же. И почему, если упоминается Ногай, то съ нимъ долженъ быть и Телебуга? Все это даетъ поводъ полагать, что походъ Ногая съ Телебугой въ Польшу въ 1259 или 1260 году въ дѣйствительности не происходилъ, а было нѣчто иное[2]. Нельзя не отмѣтить совпаденія Густинской лѣтописи съ показаніями Длугоша. Оба эти источника говорятъ о 21 тысячѣ плѣнныхъ дѣвушекъ, тогда какъ у М. Бѣльскаго показано число 20 тысячъ. Затѣмъ, Бѣльскій упоминаетъ о монастырѣ св. Креста въ первомъ походѣ; а Длугошъ — во второмъ. Все это побуждаетъ меня относиться къ первому походу съ недовѣріемъ.

Послѣ того отношенія между Тулабугой и Ногаемъ обострились настолько, что оба они стали думать, какъ бы извести своего недруга.

Ногай, однако, перехитрилъ Тулабугу. Онъ вошелъ въ сношенія съ его матерью и сказалъ ей: «сынъ твой еще царь молодой, я хочу наставить его и научить пріемамъ, полезнымъ для установленія порядковъ и опредѣленія внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ его, но мнѣ нельзя взяться за это иначе,

---

[1] Historia Polonica, II, p. 493.

[2] Не сбивало ли съ толку польскихъ историковъ имя народа Ногайцевъ, подданныхъ Ногая, игравшихъ главную роль въ набѣгахъ на Польшу?

какъ въ уединенномъ мѣстѣ, куда не забрался бы никто кромѣ него; я желаю встрѣтить его съ небольшимъ числомъ людей, и чтобы около него не было никого изъ тѣхъ войскъ, которыя онъ собралъ вокругъ себя». Женщина эта поддалась его словамъ и обманулась его посланіемъ: она посовѣтовала сыну своему войти съ нимъ въ соглашеніе и отклонила намѣреніе его отъ враждебныхъ дѣйствій противъ него. Тулабуга распустилъ войско, которое уже успѣлъ собрать, и послалъ къ Ногаю, пригласить его къ себѣ... Тогда Ногай бывшее съ нимъ войско и находившихся при немъ сыновей Менгутемира, т. е. Тохту и братьевъ его (Бурлюка, Сарайбугу и Тудана), оставилъ въ одномъ мѣстѣ въ засадѣ и взявъ съ собою (лишь) небольшое количество людей, направился къ Тулабугѣ. Тотъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу и съ полнымъ довѣріемъ къ нему, взявъ съ собою Алгуя, Тогрулджу, Малагана, Кадана и Кутугана, сыновей Менгутемира, бѣжавшихъ къ нему и приставшихъ къ Тулабугѣ. Сошлись Тулабуга и Ногай и принялись за бесѣду и совѣщанія. Замѣтилъ Тулабуга (что замышлялось противъ него) только тогда, когда уже подъѣхали къ нему всадники и окружили его. Онъ растерялся и его поразило сплетеніе козней и интригъ Ногая. Войско остановилось, выжидая, что ему прикажетъ дѣлать Ногай, чтобы исполнить его (приказаніе). Онъ приказалъ ему спѣшить съ коней Тулабугу и бывшихъ при немъ сыновей Менгутемира и они спѣшили ихъ; приказалъ онъ связать ихъ и связали ихъ. И сказалъ онъ Токтѣ: «вотъ этотъ завладѣлъ царствомъ отца твоего и твоимъ царствомъ, а вотъ эти сыновья отца твоего согласились съ нимъ схватить и убить тебя. Я отдалъ ихъ въ твои руки; умертви ихъ, какъ хочешь». Имъ покрыли головы и переломили спины. Это были Тулабуга, Алгуй, Тогрулджа, Малаганъ, Каданъ и Кутуганъ, сыновья Менгутемира. Такъ передаетъ событіе Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ[1].

---

[1] Сборникъ, стр. 107—108. Эн-Нувейри повторилъ разсказъ Рукнъ эд-Динъ Бейбарса Тамъ же, стр. 156—157. Ибнъ Хальдунъ нѣсколько сократилъ его. Стр. 382. Способъ преданія смерти посредствомъ перелома спинного хребта, повидимому, указываетъ на древнее монгольское установленіе, воспрещающее проливать кровь Чингизидовъ. Въ Юань-чао-ми-ши сообщается, что Чжамуха просилъ у Чингизъ-хана смерти безъ крови и за это обѣщалъ по смерти на вѣчныя времена быть покровителемъ и помощникомъ его потомковъ. Архимандритъ Палладій, комментируя это извѣстіе, замѣтилъ, что въ крови заключается душа и въ случаѣ пролитія крови душа не сохранитъ своей цѣлости. (Труды Пекинской Духовной Миссіи, т. IV, СПб. 1866, стр. 113 и 220). Въ Юань-чао-ми-ши приведены еще разсказы о насильственной смерти этимъ способомъ, а именно: Бурибоко въ борьбѣ съ Бѣлгутаемъ переломилъ ему умышленно спинную кость (стр. 69). Волхву Тэбтенгри, сыну Мунлика, сподвижника Чингизъ-хана, переломили спину (стр. 137). Подобный же пріемъ умерщвленія отмѣченъ въ другомъ китайскомъ сочиненіи: Ѣсугай, рода Холула, отправилъ Чаоура увѣдомить Чингизъ хана о заговорѣ противъ него, поручилъ такъ: «Когда пріѣдешь туда, то повидай Чингиса и императрицу, да моего зятя Хасара, и имъ только скажи, если ты откроешь это другимъ, то да переломятъ тебѣ поясницу и да лопнетъ твоя спина»! («Старинное китайское сказаніе о Чингисханѣ», перев. арх. Палладія, въ Восточномъ Сборникѣ, СПб. 1877,

Русскія лѣтописи о столкновеніи хана Тулабуги съ Ногаемъ черезчуръ кратки. Въ Никоновской читаемъ: Того же лѣта (6799=1291) Ногой царь уби Телебугу царя и Саолгуя (Алгуя)[1]. Не больше говорятъ и другія лѣтописи[2], причемъ нѣкоторыя, напримѣръ, Лаврентьевская, Ногая вовсе не упоминаютъ при этомъ происшествіи. Египетскіе источники говорятъ, что убилъ Тулабугу съ другими князьями Тохта, и это вполнѣ правдоподобно: для Ногая всетаки было рискованно.

Мы видѣли, что могущество Ногая началось при ханѣ Беркаѣ, а еще болѣе усилился Ногай, какъ сообщилъ Руднъ эд-Динъ Бейбарсъ, при содѣйствіи Джиджекъ хатуни, жены Менгу-темира хана, которой Ногай отплатилъ, однако, жестокою неблагодарностью. Въ чемъ выразилась дѣятельность Джиджекъ хатуни въ пользу Ногая, этотъ писатель не указалъ, онъ замѣтилъ только: «мы уже говорили о томъ, какъ онъ (Ногай) выдвинулся и усилился въ этихъ странахъ, благодаря женѣ царя ихъ Менгутемира, по имени Джиджекъ хатуни»[3]; но раньше въ текстѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Джиджекъ была главною женою Менгутемира и матерью старшаго сына хана Алгуя[4], возникаетъ вопросъ, не была ли она матерью и Тулабуги и не она ли убѣдила Тулабугу отправиться на роковое свиданіе съ Ногаемъ, во время котораго Тулабуга былъ убитъ? Говоря о матери этого хана, Рукнъ эд-Динъ не привелъ ея имени. Если предположеніе о томъ, что Джиджекъ хатунь была матерью Тулабуги, правдоподобно, тогда сдѣлалось бы понятнымъ выраженіе Рукнъ эд-Дина: «мы уже говорили о томъ».

Почему же Ногай, пользовавшійся такою силою, что могъ рѣшать участь хановъ въ ордѣ, не взялъ власть въ свои руки болѣе рѣшительнымъ образомъ, не объявилъ ханомъ себя самого, а возводилъ на престолъ потомковъ Джучія? Отвѣтъ ясенъ: не имѣя законныхъ правъ на престолъ по своему происхожденію, Ногай не рискнулъ на полное устраненіе ихъ, потому что съ такимъ переворотомъ не примирился бы народъ, въ глазахъ котораго чингизиды законнаго происхожденія являлись окруженными ореоломъ вели-

---

стр. 164). См. также у Банзарова, «Черная вѣра», 2-е изд., стр. 28. Та же цѣль не проливать крови достигалась и другими способами: когда послѣ смерти Гуюка былъ избранъ императоромъ Мöнкэ, противъ него составился заговоръ. Въ числѣ заговорщиковъ было до 70 принцевъ и нояновъ. Всѣ они были приговорены къ смерти: ноянамъ набили ротъ камнями, а принцевъ завернули въ шелковые ковры и закатали до смерти. (D'Ohsson, Hist. des Mongols, t. II, p. 267—273).

[1] П. С. Р. Л., Ѣ X, стр. 168.

[2] Въ Новгородской 4-й Алгуй названъ правильно (стр. 247); но есть варіантъ Агуй. Это имя Алгуй устанавливается совершенно точно, потому что существуетъ и теперь. См. Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя Н. М. Хангаловымъ и др. (Записки Восточно-сиб. Отдѣла И. Р. Г. О. по отд. Этногр., т. I, вып. 1. Ирк. 1889, стр. 153, примѣчанія Г. Н. Потанина).

[3] Сборникъ, стр. 109.

[4] Тамъ же, стр. 104.

чія. По этой же причинѣ другой, неизмѣримо болѣе великій дѣятель, знамеменитый Тамерланъ, также не рѣшился упразднить потомковъ Чингизъ хана, а до конца своей жизни прикрывался подставными, лишенными всякаго значенія чингизидами.

Однако, дѣйствительный виновникъ гибели Тулабуги былъ всѣмъ извѣстенъ[1].

Послѣ того, какъ Ногай приблизился къ Дунаю[2], Болгары и Сербы вошли въ сферу вліянія этого дѣятеля, котораго исторія признала опытнымъ интриганомъ. Ногай принялъ участіе въ дѣлахъ Болгаріи, сперва какъ союзникъ болгарскаго краля Константина Теха, потомъ какъ его противникъ, когда породнился (въ 1273 г.) съ византійскимъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ. У Пахимера сообщается, что въ 1270 г. татары способствовали кралю Константину захватить сельджукскаго султана Изз-эд-Дина, пришедшаго изъ Малой Азіи на помощь грекамъ, и тогда болгарскому кралю достались большія сокровища, изъ которыхъ онъ щедро одарилъ татарское войско[3]. Но заключеніе родственнаго союза съ Михаиломъ Палеологомъ измѣнило политику Ногая по отношенію къ Болгарамъ. Когда императоръ Михаилъ выдалъ за краля Константина свою племянницу Марію, онъ обѣщалъ возвратить своему зятю болгарскіе города Месемврію и Анхіалъ, но все откладывалъ ихъ передачу, тогда Константинъ задумалъ силою осуществить условія договора. Ногай привелъ съ собою татаръ и присоединился къ императорскому войску, чѣмъ принудилъ Константина отказаться отъ своего намѣренія[4].

О томъ, что Константинъ, правитель Болгаріи, пригласилъ къ себѣ на помощь 20,000 татаръ, жившихъ по Истру, для борьбы съ Византіей, и о томъ, какъ пострадалъ при этомъ султанъ Изз-эд-Динъ, сообщилъ также Никифоръ Григора. По свидѣтельству этого писателя, Ѳракія сильно пострадала отъ татаръ, которые взятыхъ въ плѣнъ жителей гнали, какъ скотъ, и послѣ того рѣдко можно было видѣть тамъ вола или пахаря[5].

У Никифора Григоры по поводу похода Михаила Палеолога противъ Іоанна Севастократора, правителя Ѳессаліи, находимъ нѣкоторыя интересныя подробности; а именно: Михаилъ, пользуясь родственными связями со

---

[1] Никоновская лѣтопись такъ и выразилась: «Того же лѣта (6799) Ногой царь уби Телебугу царя» (стр. 168).

[2] Никифоръ Григора сообщилъ, что Скиѳъ Нога имѣлъ мѣстопребываніе по ту (т. е. сѣверную) сторону Истра. Nicephori Gregorae Byzantina Historia. V. I, Bonnae, 1829. L. V, § 7, стр. 149.

[3] Боннское изданіе, т. I, гл. III, § 25, стр. 229—240.

[4] Тамъ же, гл. V, § 3, стр. 344.

[5] Nicephori Gregorae Byzantina Historia. Bonnae, 1829; гл. IV, § 6, стр. 100. Григора называетъ татаръ просто скиѳами.

скиѳомъ Ногаемъ, за котораго выдалъ свою побочную дочь Ирину (у Пахимера — Евфросинія) и который жилъ по ту сторону Истра (Дуная), отправилъ къ нему посольство съ просьбою о поддержкѣ. Ногай далъ своему тестю 4,000 отборныхъ скиѳовъ (т. е. татаръ); но походъ не состоялся, потому что во время смотра этого войска Михаилъ почувствовалъ себя дурно и вскорѣ умеръ (1283 г.)[1].

По смерти Константина болгарскій престолъ похитилъ Лаханъ, съ которымъ Ногай велъ въ 1279 г. войну. Когда Лаханъ находился въ походѣ, терновскіе бояре воспользовались его отсутствіемъ и возвели на королевство Іоанна Асѣня, сына краля Мицы, при поддержкѣ императора; но такъ какъ онъ оказался орудіемъ византійской политики, то болгары избрали въ 1280 г. въ правители болгарина Тертера. Тогда Лаханъ и Асѣнь явились къ Ногаю, причемъ каждый просилъ у него помощи противъ Тертера[2]. Ногай пригласилъ ихъ къ себѣ на пиръ и тамъ по повелѣнію его Лаханъ и его протостраторъ Цисимпаксъ были заколоты кинжалами, а Асѣнь избѣжалъ подобной участи благодаря заступничеству жены Ногая, Евфросиніи, которая тотчасъ же отправила его въ Царьградъ[3].

Новый съ 1283 г. императоръ, Андроникъ, примирился съ Тертеромъ, но это не входило въ планы Ногая, который началъ опустошать Болгарію. Не помогло Тертеру и родство его съ Ногаемъ, сынъ котораго женился на дочери этого болгарскаго правителя. Тертеръ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ и укрылся въ Адріанопольскихъ предѣлахъ, откуда просилъ помощи у императора; но Андроникъ, опасаясь привлечь Ногая въ предѣлы Ѳракіи, не только не оказалъ просимой помощи, но даже заключилъ Тертера въ темницу. Ногай же поставилъ болгарамъ въ крали боярина Смильцу[4].

И на Сербію обратилъ свои взоры этотъ энергичный ордынецъ. Въ одномъ сербскомъ хрисовулѣ, описанномъ В. И. Григоровичемъ, находится запись сербскаго краля Стефана Милутина о его царствованіи и о

---

[1] N. Gregorae Byzant. Hist., V, § 7, p. 149.

[2] Брѫдоквеникъ (у Пахимера: Лаханъ), като бѣ испаденъ отъ Блъгария удали се въ ордия-та Ногаева между Днисторъ-тъ и Донъ-тъ за да то проси да му помогнѣ да се врьне въ Блъгария. Михаилъ Палеологъ отъ своя страна обрьна се и той да проси Ханъ-тъ да помогне на І. Асѣня, кого-то испрати въ ордия та му съ богати дарове за да умилостиви шуря си. (Ногай былъ женатъ на Евфросиніи, а Іоаннъ Асѣнь на ея сестрѣ Иринѣ). См. Блъгарскы Книжици. 1858, № 4. «Послѣдни-ти страницы отъ Блъгарскя-тя исторія», стр. 120. О словѣ брѫдоква см. разборъ И. И. Срезневскаго «Церковно-славянскій словарь А. Х. Востокова» (Русская Бесѣда, 1857, II, отд. Критики, стр. 16).

[3] Пахимеръ, L. VI, § 19, 466—468.

[4] Това лице бѣ бояринъ Смилча, кой-то бѣ избранъ съ Ногаево-то согласие, нъ скоро се доврьши сила-та му, защо-то и самъ Ногай, като бѣ испаденъ изъ Молдавия отъ ордия—та на Туктай Хана испроводи прѣзъ Дунава едного отъ сынове-ти си да приеме отъ Смилча власть-та врьзъ Блъгария. (Болг. Книж., 1858, № 4, стр. 122). Арх. Леонидъ, Ханъ Нагай, стр. 34—35.

столкновеніи съ Ногаемъ; въ этой записи читаемъ: «Великій и беззаконный царь татарски Ногѣй со всѣми силами воздвигаетсе на ме. Кралество, устроивъ богатые дары—посылаетъ къ нему. Беззаконный царь, спѣшащій на кралество ми — пріемъ даръ — возвратисе вспять. Послалъ сына Стефана съ великоименитыми властели на службу его. Когда отчаявались въ его возвратѣ, Стефанъ невредимъ возвратился: тогда бо сему беззаконному царю междуусобная рать бысть»[1]. Архимандритъ Леонидъ полагаетъ изложенное событіе около 1296 г.[2], послѣ похода краля Стефана въ Грецію. Тотъ же изслѣдователь привелъ небольшую выписку о томъ же выступленіи Ногая противъ Сербіи изъ сербскаго историка архіепископа Даніила: «ненавидяй добра діаволъ, иже искони человѣкоубійца бысть, тойже и сему беззаконному и нечестивому царю Татаромъ, глаголему Ногею, вложи во умъ, и наусти его на сего христолюбиваго краля и на все отечество его, и начатъ готовитися, яко да воздвигнется съ силами пагубными......[3]

Передъ этимъ въ хризовулѣ повѣствуется, какъ татары помогали болгарско-видинскому деспоту Шишману въ борьбѣ съ Стефаномъ Милутинымъ: «Посемже въста князь нѣкто Шишманъ въ земли бльгарцѣи, живы въ градѣ бдины, подрьже-окрестные страны многы земли бльгарскые. Той присовокупивъ прокляту ересь языка татарска, дошелъ до мѣста Хвостна и хотѣлъ внити въ мѣсто ждрѣло. Тутъ великое знамение случилось; стлпь огьнь и моужии, огньние образы имоуще, кои прогнали бльгаръ. Тогда идохомъ до града Бдыня. Сей же пріемь дрѣва переходить рѣкоу глаголемую дунавь. Сего же всю дрьжавоу пріемъ восхотѣ кралество ми вся жилища разорити и градъ, въ немьже дворъ его бѣше, въ конець ськрушити. Сей же рабски молится яко единъ отъ меньшихъ моихъ, обѣщая, во всѣмь послушаніи быти кралевству ми»[4].

Послѣ смерти Тулабуги Ногай въ томъ же 690 г. (1291), какъ сообщилъ Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ, вручилъ царство Тохтѣ и утвердилъ его на немъ, и тогда же Ногай пристроилъ у Тохты братьевъ его: Бурлюка, Сарай-бугу и Тудана, сказавъ: «эти братья твои будутъ къ услугамъ твоимъ, благоволи къ нимъ». Потомъ Ногай вернулся во свояси. Остались у него въ памяти эмиры, соединившіеся съ Тулабугой противъ него, когда тотъ послалъ пригласить его къ себѣ[5].

Можетъ быть къ этому времени относится указаніе, сдѣланное въ припискѣ на поляхъ рукописи Рукнъ эд-Дина Бейбарса, что Тохта подарилъ

---

[1] Донесенія В. И. Григоровича объ его путешествіи по Славянскимъ землямъ. Казань, 1915; стр. 82. Въ «Очеркѣ» сказано: кралевствоми. (Изд. 2, стр. 39).

[2] «Ханъ Нагай», стр. 36—37.

[3] «Ханъ Нагай», стр. 36.

[4] Донесенія В. И. Григоровича, стр. 81—82.

[5] Сборникъ, стр. 108.

Ногаю Крымъ[1]. Если Тохта дѣйствительно сдѣлалъ такой подарокъ, то, конечно, только за услугу, оказанную Ногаемъ при возведеніи Тохты на ханскій престолъ[2].

Объ участіи Ногая въ возведеніи Тохты на золотоордынскій престолъ русскія лѣтописи ничего не говорятъ и воцареніе этого хана въ Ордѣ онѣ относятъ къ 6802 (1294) году[3], что мы принять не можемъ.

Интриги Ногая въ Ордѣ продолжались и при ханѣ Тохтѣ. По разсказу Рукнъ эд-Динъ Бейбарса, въ 692 г. (1293) Ногай отправилъ къ Тохтѣ жену свою Байлакъ хатунь съ особымъ порученіемъ. Когда она прибыла въ орду, то онъ (Тохта) встрѣтилъ ее съ почетомъ и ублажалъ ее пирами и подарками. Такъ она пропировала нѣсколько дней. Потомъ онъ спросилъ ее о причинѣ ея прибытія. Она отвѣтила ему: «отецъ твой говоритъ тебѣ, что на пути твоемъ осталось еще нѣсколько терну, такъ ты очисть его». А что это за тернъ?—спросилъ онъ. Тогда она назвала эмировъ, которыхъ ей указалъ Ногай, какъ то: Кильтикая, Ютука, Каракуюка, Маджара, Баринтокту, Куби, Юку, Туратемира, Алтемира, Туку, Байтару, Баймеликтемира, Байтуктемира, Байгурактаджи, Баруха, Малджуку, Булги, Кунджука, Судука, Караджина, Хаджари, Ишку и Баянджи[4]. Это тѣ, которые соединились съ Тулабугой противъ Ногая. Когда она передала ему это посланіе и сообщила ему это словесное порученіе, то онъ (Тохта) потребовалъ къ себѣ этихъ эмировъ одного за другимъ и умертвилъ ихъ всѣхъ. Байлакъ хатунь вернулась къ Ногаю и сообщила ему объ умерщвленіи ихъ. Тогда улеглось безпокойство его и прекратилось опасеніе его. Получили (тогда же) силу дѣти и внуки его, а было у него дѣтей мужескаго пола трое: Джека, Тека—оба сына были отъ одной матери—и Турай отъ другой жены, да дочь, по имени Тугулджа, и сынъ дочери, который назывался Актаджи. Дочь эта была замужемъ за нѣкіимъ Тазомъ, сыномъ Мунджука. Усилилось могущество ихъ и окрѣпли власть и значеніе ихъ[5].

Я думаю, что къ этому кровавому событію въ Ордѣ слѣдуетъ отнести выраженіе Никоновской лѣтописи подъ 6799 (= 1291) годомъ: «Того же

---

[1] Сборникъ, стр. 111, примѣчаніе.

[2] Если бы Ногай имѣлъ основаніе претендовать на званіе хана, какъ полагалъ А. К. Марковъ, то болѣе благопріятнаго для того момента, когда былъ убитъ Тулабуга и его приверженцы, трудно себѣ представить; а между тѣмъ Ногай избралъ ханомъ Тохту. Значитъ, дѣло обстояло не такъ просто, и никакихъ правъ на ханствованіе Ногай не имѣлъ, происходя отъ побочной линіи Джучи.

[3] Никонов. лѣт., стр. 167.

[4] Должности эмира въ Золотой ордѣ не было по крайней мѣрѣ до Эдигея, тамъ эмирамъ соотвѣтствовали темники, т. е. начальники отряда или народа въ 10,000 человѣкъ; но были ли эти лица десятитысячниками или тысячниками, или инымъ чѣмъ, сказать съ увѣренностью нельзя.

[5] Сборникъ, стр. 109.

лѣта въ Татарехъ бысть размиріе, и веліа брань и убійство, а на Руси тишина» (стр. 168). Слѣдовательно, свидѣтельство нашей лѣтописи, благодаря египетскому историку, пріобрѣтаетъ надлежащій смыслъ и яркое освѣщеніе.

Подъ 693 г. (съ 2 дек. 1293 г. по 20 ноября 1294) Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ отмѣтилъ, что Ногай, «правитель въ Сѣверныхъ областяхъ», казнилъ множество татаръ[1]. Въ это время погибла и Джиджекъ хатунь, вдова хана Менгутемира. «Она правила (государствомъ) во времена мужа своего и въ царствованіе Туданменгу, сѣвшаго на престолъ послѣ него. Сталъ имъ въ тягость гнетъ ея, и они пожаловались на нее Ногаю, который приказалъ задушить ее. Она и была задушена; вмѣстѣ съ нею былъ убитъ эмиръ, который находился подъ ея защитою и выполнялъ приказанія ея. Имя его Байтара»[2].

Дружественныя отношенія, установившіяся между Ногаемъ и ханомъ Тохтой, держались недолго. Какъ и Тулабуга, ханъ Тохта сталъ тяготиться могуществомъ и интригами временщика и рѣшилъ избавиться отъ него[3]. Причины вражды указаны слѣдующія: Байлакъ, жена Ногая, стала бояться двухъ сыновей его (Ногая), Джеки и Теки, которые высказывали ей непочтеніе и презрѣніе; она настроила противъ нихъ Токту и послала къ нему подстрекать его противъ нихъ. Другая причина та, что нѣкоторые эмиры Токты почувствовали страхъ вслѣдствіе одного дѣла, дошедшаго до нихъ о немъ, покинули его и ушли къ Ногаю, который принялъ ихъ (у себя), обласкалъ, отвелъ имъ мѣста на своей землѣ и одного изъ нихъ, Таза, сына Мунджука, женилъ на дочери своей. Токта послалъ (къ Ногаю) требовать ихъ отъ него, но тотъ не выдалъ ихъ ему. Это разгнѣвало его (Токту) и раздражило. Онъ отправилъ къ Ногаю посла, и вмѣстѣ съ нимъ послалъ соху, пукъ стрѣлъ и горсть земли. Прибывъ къ нему (Ногаю) и представивъ ему то, что было съ нимъ, посолъ сказалъ: «вотъ это посланіе (служитъ) увѣдомленіемъ, а вотъ эти знаки — указкою и намекомъ». Собралъ онъ (Ногай) старѣйшинъ своего народа и совѣтниковъ своихъ и сказалъ: «что по вашему означаютъ эти указки и чего хочетъ Токта присылкою земли, стрѣлъ и сохи»? Каждый изъ нихъ высказывалъ свое мнѣніе и пріискивалъ способъ толкованія ея (загадки). Тогда онъ (Ногай) сказалъ: «вы не угадали цѣли и не отыскали настоящаго смысла. Я повѣдую вамъ намѣренія его и объясню вамъ сокровенность его сердца. Что касается сохи, то онъ хочетъ сказать: если бы вы ушли въ самую глубь земли, всетаки я вы-

---

[1] Тамъ же.

[2] Тамъ же. Удушеніе Чингизидовъ совершалось тетивою отъ лука. См. Исторію монголовъ инока Магакіи, стр. 32.

[3] Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ сообщилъ, что Ногай и сыновья его выказали Токтѣ сопротивленіе и выступили противъ него врагами. Сборникъ, стр. 110.

копаю васъ (оттуда) этою сохою; что касается стрѣлы, то онъ хочетъ сказать: «если бы вы поднялись до самаго поднебесья, то я всетаки этою стрѣлою заставлю васъ спуститься (оттуда); что же касается земли, то онъ говоритъ: выбирайте себѣ землю, на которой произойдетъ встрѣча (наша)»[1]. Они поняли, что онъ угадалъ значеніе этого (намека) и понялъ смыслъ посланія Токты и посла его. Онъ отпустилъ посла и сказалъ (ему): «Скажи Токтѣ, что наши кони хотятъ пить и мы хотимъ напоить ихъ водою изъ Дона». Эта рѣка близъ Сарая и на ней находятся становища Токты. Вернулся посолъ съ этимъ отвѣтомъ и сталъ снаряжаться Токта, собралъ рати свои, приготовилъ отряды свои (къ бою), и двинулся на встрѣчу ему (Ногаю)[2].

Приступая къ изложенію перваго столкновенія хана Тохты съ Ногаемъ въ 697 г. (1297—8), Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ еще разъ коснулся значенія Ногая въ Ордѣ: «Ногай долгое время былъ правителемъ царства, неограниченно распоряжавшимся въ домѣ Берке, смѣщалъ тѣхъ изъ царей ихъ, кто ему не нравился и ставилъ (тѣхъ), кого самъ выбиралъ... да хотѣлъ, чтобы это такъ продолжалось (и впредь) и чтобы онъ (Ногай) оставался правителемъ этихъ странъ. Но Токтѣ не понравилось быть подвластнымъ ему; онъ старался сразиться съ нимъ и хлопоталъ о войнѣ съ нимъ. Дошло до Ногая и сыновей его извѣстіе о приближеніи его (Токты) къ нему и о намѣреніи его воевать съ нимъ (Ногаемъ) и собралъ онъ войска, бывшія при немъ, да тьмы, находившіяся подъ его начальствомъ, и предводителей, присоединившихся къ нему и подчинившихся ему, какъ то: Таза, сына Мунджука, котораго онъ женилъ на своей дочери, Тунгуза, сына Каджана, Абаджи, сына Курмыши, и двухъ братьевъ его Каранджина и Янджи, Маджи, Судуна, Аладжа, Сангая, Кушуба, Салгая, Ашика, Кунджука, Шубуткая, Теркерія, Кутлубугу, Могултая и съ ними болѣе 200,000 всадниковъ... Они сразились при рѣкѣ Яса (Аксай?), лежащей между владѣніями Токты и владѣніями Ногая. Токта и войска его потерпѣли пораженіе и обратились въ бѣгство. Добѣжали они до рѣки Дона; часть изъ нихъ переправилась черезъ нее и спаслась, а часть бросилась въ нее и утонула. Ногай приказалъ своимъ войскамъ не преслѣдовать бѣгущихъ и не бросаться на раненныхъ, захватилъ добычу, плѣнныхъ и багажъ (непріятельскій) и вернулся во свояси»[3].

---

[1] Здѣсь, очевидно, отразился ходячій восточный разсказъ о нападеніи на врага, куда бы онъ ни скрылся. Чингизъ-ханъ, отправляя Субугедая на преслѣдованіе дѣтей Тохтоа, говорилъ ему: «Коли они на крыльяхъ улетятъ на небо, ты будь соколомъ и поймай ихъ; коли они, какъ мыши, зароются въ землю, ты будь желѣзной мотыкой и откопай ихъ; коли они, какъ рыбы, скроются въ море, ты будь сѣтью и вытащи ихъ». (Юань-чао-ми-ши, въ Труд. Пек. Дух. Мис., IV, стр. 111).

[2] Сборникъ, стр. 109—110.

[3] Сборникъ, стр. 110-111. Эн-Нувейри, стр. 158—9. У Ибнъ-Хальдуна вмѣсто Дона стоитъ Итиль, т. е. Волга. Стр. 382. Эль-Макризи, стр. 435—6.

Здѣсь интересно указаніе на количество войска Ногая—200,000 всадниковъ, что доводило бы число его подданныхъ до милліона душъ въ томъ случаѣ, если онъ поднялъ весь свой народъ. Но можно думать, что эта цифра для того времени преувеличена, такъ какъ татары и въ болѣе серьезныя войны, напримѣръ съ Гулагидами, не выставляли столь сильнаго войска. Во всякомъ случаѣ всѣ подобныя показанія должны быть отмѣчены, во-первыхъ, для сопоставленія цифръ между собою, тогда они взаимно подтвердятъ другъ друга, во-вторыхъ, для того, чтобы составить сколько-нибудь надежное представленіе о численности населенія Золотой орды. Безъ этого всѣ наши расчеты о количествѣ татаръ и слившихся съ ними турецкихъ народовъ будутъ гадательными.

Послѣ этого перваго столкновенія съ ханомъ Ногай овладѣлъ областями его и послалъ въ 698 г. (1298—9) Актаджи, сына дочери своей, въ земли крымскія, чтобы собрать подати, наложенныя на жителей его. Тотъ пришелъ въ Кафу, а это городъ (принадлежащій) генуэзскимъ Франкамъ, между Стамбуломъ и между Крымомъ, и потребовалъ отъ ея жителей денегъ. Они угостили его, поднесли ему кое-что для ѣды и вино для питья. Онъ поѣлъ, да выпилъ вино и одолѣло его опьяненіе. Тогда они напали на него и убили его. Извѣстіе объ умерщвленіи его дошло до Ногая, который отправилъ въ Крымъ огромное войско. Оно ограбило его (городъ Кафу), сожгло его, убило множество Крымцевъ, взяло въ плѣнъ находившихся въ немъ купцовъ мусульманскихъ, алланскихъ и франкскихъ, захватило имущество ихъ, ограбило Сарукерманъ, Кыркъ-Іери (=Чуфуткале), Керчь и др.[1].

Ибнъ-Муфаддаль подъ тѣмъ же 698 г. разсказалъ, что въ мѣсяцѣ рамазанѣ (въ іюнѣ) прибыли купцы изъ Судака и сообщили, что царь Ногай, сидѣвшій на престолѣ царства Берке, въ реби-эль-эввелѣ этого года (съ 7 дек. 1298 по 5 января 1299) пришелъ въ Судакъ съ большимъ войскомъ и приказалъ жителямъ Судака, чтобы всѣ, которые были за него, вышли за городъ со своими людьми и со своимъ имуществомъ. Вышли всѣ приверженцы его, а ихъ было болѣе $1/_3$ (населенія). Потомъ онъ приказалъ войскамъ (своимъ) окружить его (городъ) и сталъ требовать къ себѣ одного за другимъ, истязалъ его и отбиралъ все его имущество, а затѣмъ убивалъ его, такъ что (наконецъ) умертвилъ всѣхъ, кто (оставался) въ городѣ. Послѣ этого онъ поджегъ его (городъ) и уничтожилъ его до тла. Причиною этому было то, что пошлины и другіе доходы съ Судака дѣлились между четырьмя татарскими царями; однимъ изъ нихъ былъ этотъ Токтай, тотъ самый, который находился въ дружбѣ съ властителемъ Египта, посылалъ къ нему пословъ и подарки. Говорили, что цари, которые были соправите-

[1] Сборникъ, стр. 112.

лями его, обижали намѣстниковъ его при (дѣлежѣ) приходившихся на его долю доходовъ. Это и понудило его къ тому, что онъ сдѣлалъ[1].

Надо полагать, что именно послѣ этого разрушенія Судака онъ утратилъ свое прежнее торговое значеніе, и купцы перебрались въ другіе города.

Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ сообщилъ, что въ 698 г. были убиты Абаджи, сынъ Курмыши, и братъ его Караджинъ. Ихъ было всего три брата, принадлежавшіе къ числу старшихъ военачальниковъ и командовавшіе тьмами въ Сѣверныхъ областяхъ. Они были равны Ногаю по могуществу, значенію и численности войска, согласились съ нимъ воевать противъ Токты, тревожили (?) его вмѣстѣ съ нимъ (Ногаемъ) и помогали ему противъ него (Токты). Когда дѣло Ногая уладилось, то получили власть и сыновья его, т. е. Джека, Тека и Турай, а на долю сыновей Курмыши не выпало то, чего они ожидали отъ нихъ. Произошелъ между ними раздоръ и они, т. е. Абаджи, Караджинъ и Янджи, рѣшились отдѣлиться отъ нихъ и перешли на сторону Токты. Дошло это до Ногая и сыновей его. Тогда онъ (Ногай) отрядилъ сыновей своихъ: Джеку, Теку и Турая, чтобы вернуть ихъ и удержать ихъ отъ перехода къ Токтѣ. Сошлись оба отряда, бились цѣлый день, пока ихъ раздѣлила ночь, и улеглись въ полномъ вооруженіи. Когда настала ночь, то изъ войска сыновей Курмыши убѣжалъ эмиръ, по имени Кутугу, начальникъ тысячи всадниковъ, и отправился къ сыновьямъ Ногая. Встали утромъ и замѣтили отсутствіе его и отряда его, но ни одна изъ обѣихъ сторонъ не выступила впередъ для боя съ другой. Когда насталъ вечеръ, сыновья Курмыши развели огонь и рѣшились вернуться. Сыновья Ногая подослали къ нимъ (людей), обратились къ нимъ съ ласковыми рѣчами, обманули ихъ и сказали: «нѣтъ надобности враждовать и воевать; мы родственники и близкіе другъ другу люди. Лучше всего прекратить ненависть и заключить миръ, какъ было (прежде)». Они успѣли уговорить Янджи, младшаго (изъ братьевъ), и онъ перешелъ на ихъ сторону. Тогда они стали просить его, чтобы онъ уговорилъ братьевъ своихъ и склонилъ ихъ къ примиренію и соглашенію. Онъ (Янджи) вернулся къ брату своему Абаджи, передалъ ему слова ихъ и просилъ его соединиться съ ними. Тотъ повѣрилъ словамъ его и лично отправился къ нимъ. Караджинъ же, братъ ихъ, который внушалъ имъ быть осторожными (?) и управлялъ войскомъ ихъ, остался на мѣстѣ и не отпра-

[1] Сборникъ, стр. 195. Нѣсколько сбивчивый текстъ подалъ В. Г. Тизенгаузену поводъ высказать предположеніе, что тутъ Ногай смѣшанъ съ Токтой, потому что подъ 700-мъ г. сказано: «Царемъ Кипчака и Судака до рѣки Итиля Тохта-канъ, сынъ брата царя Берке». Но уже А. К. Марковъ возразилъ, что рѣчь идетъ именно о Ногаѣ. И дѣйствительно, по ходу событій Тохта не могъ осаждать Судакъ, когда Ногай владѣлъ Крымомъ. И дальше Муфаддаль повторилъ, что въ 700-мъ г. (1300-1) между упомянутымъ выше царемъ Ногаемъ, сыномъ брата Берке, избившимъ жителей Судака, какъ сказано было выше, и между царемъ Токтой произошло большое сраженіе, что онъ (Токта) одержалъ верхъ надъ нимъ (Ногаемъ) и сталъ властвовать надъ всѣмъ царствомъ Кипчацкимъ (стр. 196).

вился съ братомъ своимъ. Тогда они вступили въ переговоры съ матерью его относительно отправки его; она посовѣтовала ему отправиться и заключить миръ. Онъ и отправился, но когда оба брата, Абаджи и Караджинъ, собрались у сыновей Ногая, то они (послѣдніе) убили обоихъ. Узнавъ объ этомъ, Янджи не вернулся къ нимъ, а спасся самъ. Сыновья Ногая, ограбивъ тьмы Абаджи и брата его, большую часть ихъ перебили и увели въ плѣнъ и неволю. Могущество ихъ усилилось, войска ихъ умножились и власть ихъ расширилась. Они превзошли даже отца своего[1].

Этотъ небольшой эпизодъ прекрасно показываетъ, какое растлѣвающее вліяніе проявилъ Ногай въ Ордѣ. Военачальники переходили то на сторону его, то на сторону хана; послѣднихъ Ногай преслѣдовалъ и истреблялъ или открытою силою, или коварствомъ. Такъ же стали поступать и его сыновья.

Второе выступленіе Тохты противъ Ногая было успѣшно. «Въ 699 г. (съ 28 сент. 1299 по 15 сент. 1300) царь Токта, сынъ Менгутемира, рѣшился пойти войною на Ногая, чтобы отомстить ему и затушить огонь гнѣва своего. Случилось такъ, что нѣсколько эмировъ Ногаевыхъ, на которыхъ онъ вполнѣ полагался и которые полагались на него, покинули его и ушли къ Токтѣ. Благодаря имъ укрѣпилась его рѣшимость и усилилось желаніе отомстить. Это были Маджи, Судунъ, Утраджъ, Акбуга и Тайта, и съ ними 30,000 всадниковъ. Онъ рѣшился идти на нихъ (т. е. Ногая и его сыновей) и дошло до нихъ (извѣстіе), что онъ направляется къ нимъ, собравъ извѣстное количество войскъ и пригласивъ къ себѣ вспомогательныя полчища. При немъ находились ханы и начальники десятитысячъ: отступникъ[2] Токта, Мунджукъ, Джехеркесъ, Янджи, Салджудай, Яблакъ, Толоктемиръ, Акбуга, Алтабуга, Качмазъ, братья царя: Бурлюкъ, Сарайбуга и Туданъ, и перешедшіе къ нему изъ войска Ногая эмиры, о которыхъ мы говорили уже выше. Отправились Ногай и сыновья его, Джека, Тека и Турай, эмиры его и войско его, и приготовились къ встрѣчѣ. Когда оба войска находились другъ отъ друга на разстояніи одного дня, то онъ (Ногай) отправилъ человѣка, по имени Буга, съ сотнею всадниковъ, развѣдать ему и узнать, гдѣ находится Токта и какое съ нимъ войско. Тотъ отправился на развѣдку ихъ, но когда онъ выслѣдилъ ихъ, то они окружили его и перебили всѣхъ, бывшихъ съ нимъ. Успѣлъ спастись только онъ самъ и, вернувшись, сообщилъ Ногаю, что они настигли его. Двинулись Ногай, сыновья его и тѣ, которые находились при немъ. Оба войска сошлись въ мѣстности, называемой Ку-

---

[1] Сборникъ, стр. 112—113.

[2] مرتد значитъ отступникъ отъ религіи. Тизенгаузенъ поставилъ это слово съ вопросительнымъ знакомъ. Назвать Токту отступникомъ мусульманскій историкъ могъ потому, что этотъ ханъ не исповѣдовалъ исламъ.

канлыкъ, и сразились. Пораженіе постигло Ногая во время заката солнца. Сыновья и войска его обратились въ бѣгство и разбрелись въ разныя стороны. Онъ же оставался на конѣ; но онъ уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и глаза его были покрыты волосами бровей его (мѣшавшими ему видѣть); старость его одолѣла и ослабила его силу. Настигъ его Русскій изъ войска Токты; онъ (Ногай) сообщилъ ему, кто онъ такой и сказалъ ему: «не убивай меня, я Ногай, а отведи меня къ Токтѣ; мнѣ нужно съ нимъ сойтись и переговорить съ нимъ». Но Русскій не поддался его словамъ, а тотчасъ тутъ же отрубилъ ему голову, принесъ ее къ царю Токтѣ и сказалъ ему: «вотъ голова Ногая». Тотъ спросилъ его: «Что же надоумило тебя, что это Ногай»? Тотъ отвѣтилъ: «Онъ самъ мнѣ повѣдалъ объ этомъ и просилъ меня не убивать его, но я не послушался его и кинулся на него». Токта вознегодовалъ на это сильнымъ гнѣвомъ и отдалъ приказаніе на счетъ (казни) Русскаго. Онъ былъ убитъ за то, что умертвилъ такого великаго по сану человѣка, а не представилъ его султану. Онъ (Токта) сказалъ: «правосудіе требуетъ смерти его, чтобы не явился снова кто-нибудь, который сдѣлалъ бы подобное этому». Токта вернулся въ свою ставку. Сбылось его желаніе и освѣжились глаза его (т. е. онъ былъ обрадованъ) побѣдою надъ врагами своими[1]. У Ибнъ-Хальдуна слова Токты переданы такъ: «простой народъ да не убиваетъ царей»[2].

Что же касается сыновей Ногая и тѣхъ, которые уцѣлѣли изъ войска ихъ, то они скрылись подъ прикрытіемъ ночи и тайкомъ пробрались черезъ массы войскъ Токты, откликаясь ихъ лозунгомъ, чтобы они ихъ приняли за своихъ. Лозунгъ же ихъ, какъ разсказывалъ одинъ изъ очевидцевъ сраженія, былъ Итиль Яикъ. Спаслись они въ эту самую ночь, ночью же двину-

---

[1] Сборникъ, стр. 113—114, 122—123, 159.

[2] Тамъ же, стр. 383. Для объясненія значенія этихъ словъ приведу разсказъ Юань-чао-ми-ши изъ исторіи Чингизъ-хана. Когда Чжамуха, бывшій сперва другомъ Чингиза, а потомъ измѣнившій ему, былъ схваченъ своими пятью спутниками и выданъ Чингизу, онъ поручилъ человѣку передать Чингизу: «Черныя галки съумѣли поймать селезня; рабы осмѣлились схватить своего господина; царь аньда! ты знаешь, что дѣлать». Чингизъ сказалъ: «Возможно ли оставить людей, схватившихъ собственнаго своего господина? Предать ихъ, съ дѣтьми и внуками, смерти»! Тогда онъ приказалъ казнить ихъ въ присутствіи Чжамухи. (Стр. 112). Въ подобномъ же родѣ находимъ разсказъ у Шильтбергера о столкновеніи султана Баязида съ его шуриномъ Караманомъ, убійца котораго также былъ казненъ. («Путешествія Ивана Шильтбергера», стр. 11). Можно думать, что у кочевыхъ народовъ сѣверо-восточной Азіи существовало вполнѣ опредѣленное представленіе о недопустимости убіенія лицъ знатныхъ простыми людьми. Въ Юань-чао-ми-ши приводится и обратный случай, когда противникъ Чингизъ-хана, Тархутай-Кирилту, былъ захваченъ домашнимъ его человѣкомъ, Ширгуэту и двумя его сыновьями, Алах'омъ и Наяа'емъ, но отпущенъ ими на волю, потому что Наяа заявилъ: «Если мы приведемъ его къ Тѣмучжиню, то Тѣмучжинъ навѣрно скажетъ, что мы схватили своего законнаго господина и не можемъ быть ему товарищами: онъ непремѣнно убьетъ насъ». Темучинъ одобрилъ ихъ поступокъ (стр. 74—75) и впослѣдствіи наградилъ Наяа, сказавъ: «Эти люди понимаютъ высокій долгъ» (стр. 124).

лись въ путь и вернулись во свояси. Изъ женъ и дѣтей ихъ взято было въ плѣнъ многое множество и несмѣтное скопище. Они были проданы въ разныя мѣста и увезены въ (чужія) страны. Въ областяхъ Египетскихъ султанъ и эмиры накупили множество людей, которыхъ привезли туда купцы. Они (плѣнные) добровольно приняли исламъ; старательно и съ любовью творили молитвы»[1].

О гибели Ногая кратко упомянулъ Рашидъ эд-Динъ въ главѣ о племени Хоирганъ: «Въ это продолженіе большая часть того войска была въ Дешти Кипчакѣ вмѣстѣ съ Ногаемъ. Такъ какъ Ногай и дѣти замыслили сопротивленіе, ихъ разорили, и нынѣ въ томъ государствѣ ихъ много разсѣяно»[2]. Кажется, что въ этихъ выраженіяхъ Рашидъ эд-Динъ передалъ дошедшій до него слухъ о намѣреніи Ногая отложиться отъ хановъ Золотой орды.

Біографія Ногая даетъ ясное представленіе о сорокалѣтней, богатой крупными событіями эпохѣ въ исторіи Золотой орды, когда государственный строй ея выработался уже въ опредѣленную форму и когда установились сколько-нибудь сносныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными. Ногай не только принималъ энергичное участіе въ событіяхъ своего времени, но и самъ направлялъ ходъ исторіи въ главной части Джучіева улуса. Съ одной стороны онъ, будучи опытнымъ въ военномъ дѣлѣ, увеличилъ владѣнія Орды; съ другой—онъ содѣйствовалъ и ея расчлененію, чѣмъ нанесъ, конечно, не намѣренно, первый ударъ ея же могуществу. Онъ сталъ центромъ ловкой и вмѣстѣ съ тѣмъ кровавой интриги, которая въ теченіе многихъ лѣтъ сѣяла смуту въ Ордѣ. Неудивительно поэтому, что о Ногаѣ дошло до насъ разнообразныхъ письменныхъ извѣстій болѣе, чѣмъ о какомъ либо другомъ дѣятелѣ или даже ханѣ въ Золотой ордѣ.

Перейдемъ къ вопросу: былъ ли Ногай въ дѣйствительности ханомъ? Разсмотримъ данныя за и противъ этого, такъ какъ несомнѣнныхъ указаній въ пользу положительнаго или отрицательнаго рѣшенія не имѣется. Эль-Айни замѣтилъ, что Ногай былъ причисленъ къ ханамъ[3]. Пахимеръ сообщилъ, что Ногай, найдя страны, лежащія къ сѣверу отъ Чернаго моря, пригодными для управленія, отложился отъ Золотой орды[4]. Извѣстно, что египетскіе султаны очень цѣнили Ногая и, посылая подарки ханамъ, не забывали

---

[1] Сборникъ, стр. 114—115. У Ибнъ-Хальдуна: «Лагерь Ногая былъ отданъ на разграбленіе, а плѣнники и узники ихъ были распроданы во всѣ страны свѣта. Часть ихъ въ Египтѣ была обращена въ рабство и зачислена въ ряды египетскаго войска». Стр. 383.

[2] Труды Вост. отд. И. Р. А. О., ч. V, стр. 200.

[3] Сборникъ, стр. 510.

[4] См. раньше, стр. 28.

и временщика и ставили его имя непосредственно за ханскимъ[1]. Мало того, Ногай самостоятельно переписывался съ египетскими султанами и получалъ отъ нихъ отвѣты[2], даже отправилъ разъ свое посольство въ Египетъ, именно въ реби-эль-эввелѣ 681 г. (= іюнь-іюль 1282), въ составѣ трехъ лицъ: эмира Сутуруса, эмира Нургаса и Сейфъ-эд-Дина Абубекра[3]. Читая египетскія лѣтописи, мы можемъ слѣдить за постепеннымъ усиленіемъ Ногая. Византійскіе историки также передали намъ, что Ногай имѣлъ дипломатическія сношенія и съ Византіей. Слѣдовательно, всѣ извѣстія ведутъ къ тому, что въ концѣ концовъ Ногай приблизился къ положенію хана; но была ли его власть оформлена торжественнымъ, соотвѣтствующимъ коронованію обрядомъ,—это сомнительно. У мусульманскихъ историковъ нѣтъ описанія этого обряда въ Золотой ордѣ; но такъ какъ наша Орда старалась подражать Большой, то само собою разумѣется, что и на Волгѣ хановъ подымали на бѣломъ войлокѣ, какъ въ Монголіи. За это говоритъ, во-первыхъ, широкое распространеніе этого обряда въ странахъ, входившихъ въ составъ монгольской имперіи; онъ долго удерживался у казакъ-киргизовъ, въ средне-азіатскихъ ханствахъ и даже въ Россійскомъ государствѣ съ одобренія московскихъ царей въ царствѣ Касимовскомъ и у Малыхъ Ногаевъ. И до сихъ поръ въ турецкомъ языкѣ существуетъ выраженіе хан кутермяк—«поднять хана»[4]. Во-вторыхъ, мы имѣемъ прямое свидѣтельство одного европейца, бывшаго въ Золотой ордѣ, Шильтбергера, что именно такъ избирали хановъ: «при избраніи короля, они сажаютъ его на бѣлый войлокъ и поднимаютъ три раза. Затѣмъ носятъ его вокругъ палатки, сажаютъ на престолъ и даютъ ему въ руку золотой мечъ; послѣ чего онъ долженъ присягать по ихъ обыкновенію»[5].

Этотъ обрядъ довольно подробно описанъ у Плано Карпини и немного дополненъ Рашидъ эд-Диномъ въ разсказѣ при вступленіи на престолъ Мӧнкэ хана. Повидимому, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при выборѣ хана въ 1251 г. былъ Батый, и когда избраніе хана состоялось, онъ, «по обычаю монголовъ, поднялся, а всѣ царевичи и нойоны, распустивъ поясы и скинувъ шапки, стали на колѣни. Бату взялъ чашу: всѣ присутствующіе приняли присягу». Въ другомъ мѣстѣ этотъ авторъ выразился такъ: «всѣ присутствующіе — упомянутые царевичи, старшіе достопочтенные беки, исчи-

---

[1] Посольство султана Калавуна въ 681 г. (= 1282), посольство 683 г. (= 1284) при ханѣ Тудаменгу. Сборникъ, стр. 104—105.

[2] Сборникъ, стр. 101—102, 121—122, 434.

[3] Сборникъ, стр. 362.

[4] Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн. при И. Казан. Унив., т. XII, стр. 374—380.

[5] «Путешествія Ивана Шильтбергера», стр. 55.

сленные прежде военачальники и безчисленныя собранныя тамъ войска сняли съ головъ шапки и повѣсили поясы себѣ на плеча»[1].

Плано Карпини также сообщилъ, что когда посадили Куюка на императорскомъ престолѣ, вожди преклонили предъ ними колѣна. Послѣ этого тоже сдѣлалъ весь народъ[2].

Относительно вступленія на престолъ Гулагидовъ нѣкоторыя свѣдѣнія даютъ намъ персидскіе историки. Повидимому, въ Персіи не существовало обычая подымать иль-хановъ на войлокѣ. Такъ, Вассафъ, описывая вступленіе на престолъ Абаки, сообщилъ, что всѣ принцы, повѣсивъ пояса на шею, семь разъ преклоняли колѣна передъ солнцемъ; затѣмъ пили вино въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ, а пѣвецъ пѣлъ пѣсни (персидскій текстъ стр. 104). При избраніи Аргуна на царство, принцы и принцессы пили вино, причемъ играла музыка (перс. т., стр. 281). Невольно вспоминается «чаша», обязательно упоминаемая въ русскомъ посольскомъ церемоніалѣ за московскій періодъ.

Такимъ образомъ, обрядъ при избраніи хана имѣлъ религіозно-государственное значеніе и злоупотреблять этимъ обрядомъ, конечно, было нельзя. Едва ли можно допустить, что при существованіи законно избранныхъ ха-новъ народъ согласился бы «поднять» еще и Ногая, какою бы популярностью онъ ни пользовался. Ни при Беркаѣ, ни при Менгу Тимурѣ, ханахъ очень могущественныхъ, ничего подобнаго безусловно произойти не могло; но и при слабыхъ ханахъ, каковыми были Туданъ Менгу и Тула-буга, Ногай не рискнулъ устранить законныхъ Чингизидовъ. Поэтому приходится высказать предположеніе, что Ногай признавался ханомъ не по праву избранія, а по тому значенію, какое онъ пріобрѣлъ въ Ордѣ. Мало вѣроятности, чтобы Ногай могъ пользоваться всѣми прерогативами, присущими ханской власти. Чувствуется, что Ногай дѣйствуетъ не съ тою увѣренностью, какую видимъ у хановъ до него и послѣ него. Нѣтъ ни единаго прямого свидѣтельства въ пользу того, что Ногай давалъ ярлыки на княженіе, за

---

[1] И. Н. Березинъ, О внутреннемъ устройствѣ улуса Джучіева, стр. 42.

Обрядъ снятія шапки и пояса имѣлъ у монголовъ какое-то священное значеніе. Такъ, когда Чингизъ-ханъ скрылся на горѣ Бурханъ и тѣмъ спасся отъ преслѣдовавшихъ его Мѣрки, онъ постановилъ всегда приносить этой горѣ жертву; затѣмъ онъ обратился къ солнцу, повѣсилъ поясъ на шею, а шапку на руку, и ударяя себя въ грудь, девять разъ преклонилъ колѣна и сдѣлалъ возліяніе кумысомъ. (Юань-чао-ми-ши, стр. 52). Другой случай: Чингизъ-ханъ, повѣривъ предсказанію шамана Тѣбтенгри, что послѣ Чингиза будетъ царствовать надъ народами братъ его, Хасаръ, задумалъ извести его. Прибывъ къ Хасару, Чингизъ-ханъ связалъ рукава, и снявъ съ него шапку и поясъ, допрашивалъ его. Дальнѣйшему помѣшала мать ихъ, Хоэлунь, которой удалось пристыдить Чингиза, она развязала Хасара и отдала ему шапку съ поясомъ (стр. 135). По объясненію арх. Палладія, поясъ и шапка были принадлежностью личной свободы у монголовъ (стр. 184). Чингизъ и Чжамуха, для скрѣпленія дружбы, подарили другъ другу по золотому поясу (стр. 58).

[2] Исторія Монголовъ, стр. 55.

исключеніемъ выраженія «не ѣдешь къ своему хану Ногаю». Если же Ногай ярлыковъ не давалъ, то это обстоятельство является чрезвычайно важнымъ; вспомнимъ знаменательное выраженіе Дмитрія Ивановича Донскаго: «къ ярлыку не ѣду». Затѣмъ, когда Тулабуга предпринялъ походъ на Польшу, то приказалъ Ногаю двинуться сообща въ землю Краковскую, и Ногай долженъ былъ повиноваться[1]. По весьма вѣроятному свидѣтельству египетскихъ историковъ, Ногай, овладѣвъ Тулабугой, предоставилъ его Тохтѣ, который и велѣлъ умертвить этого хана, слѣдовательно самъ Ногай не рѣшился посягнуть на чингизида. Про городъ Судакъ въ 698 г. (1299) Эль-Муфаддаль сообщилъ, что пошлины съ него дѣлились между четырьмя татарскими царями[2]. Значитъ, Ногай, по отношенію къ этому городу, не былъ единымъ хозяиномъ его доходовъ. Подъ тѣмъ же годомъ другой историкъ, Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ, сообщая о сыновьяхъ Курмыши, замѣтилъ, что они принадлежали къ числу старшихъ военачальниковъ и командовали тьмами въ Сѣверныхъ областяхъ, были равны Ногаю по могуществу, значенію и численности войска[3]. Эта характеристика не совсѣмъ согласуется съ ханскимъ равноправіемъ Ногая.

Въ послѣднее время самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу того, что Ногай былъ ханомъ, выставляются монеты, которыя ранѣе считались загадочными, а нынѣ приписываются А. К. Марковымъ Ногаю[4]. Эти монеты довольно странныя. Начать съ того, что на нихъ нѣтъ имени, а только почетный титулъ (лякаб) нусрет эд-дунья ве д-дин («помощь міра и вѣры»), неизвѣстно кому принадлежащій. Между тѣмъ мы знаемъ, что всякій претендентъ на ханство прежде всего стремится отмѣтить свое имя на монетахъ, потому что на Востокѣ это имѣетъ существенное значеніе, какъ одна изъ прерогативъ верховной власти[5]. Такъ предусмотрительно и поступилъ другой темникъ, Едигей, добивавшійся власти надъ ханами въ Ордѣ. Разобраться въ монетахъ съ именемъ этого темника было, вслѣдствіе дурного чекана, не легко. Онѣ находились еще въ рукахъ Френа, но знаменитый нумизматъ имѣлъ очень ограниченное количество этихъ монетъ, надпись не поддавалась чтенію, и онъ отнесъ ихъ къ неизвѣстнымъ джучидскимъ. Заслуга въ установленіи легендъ принадлежитъ А. К. Маркову[6].

---

[1] Сборникъ, стр. 106.

[2] Тамъ же, стр. 195.

[3] Тамъ же, стр. 112.

[4] «О монетахъ хана Ногая». (Труды Московскаго Нумизматическаго Общества, т. III).

[5] Если интересующія насъ монеты принадлежатъ Ногаю, во время котораго будто бы ханы Золотой орды не ставили свое имя, то до него помѣщали свои имена на монетахъ Менгу-тимуръ, Туда(н)-Менгу и Тулабуга. Т. е. установилась уже традиція относительно именъ.

[6] Четвертое прибавленіе къ Инвентарному Каталогу мусульманскихъ монетъ Эрмитажа, стр. 1028.

На лицевой сторонѣ помѣщено имя Дервишъ хана съ обычнымъ титуломъ султанъ и съ пожеланіемъ: да продлитъ Аллахъ его царствованіе; иногда помѣщенъ годъ, но не полный. На оборотной сторонѣ:

Т. е. эмиръ	امير
Идику бекъ	ادكو بيك
чеканъ Крыма	ضرب قر
	يم

До нѣкоторой степени подражаніе тимуридскимъ монетамъ. Почти ничего подобнаго не видимъ на нашихъ анонимныхъ монетахъ. На нихъ изображена тамга (гербъ), близко подходящая къ тамгѣ джучидовъ, представляющей стремя, только на джучидскихъ монетахъ стремя расположено правильно, кольцомъ вверхъ, а на ногайскихъ — въ лежачемъ видѣ, кольцомъ влѣво. Эти монеты биты въ Крыму и имѣютъ будто бы 690-й годъ (1291-й), когда былъ убитъ Тулабуга и возведенъ Ногаемъ на ханство Тохта. Такъ какъ въ это время Крымомъ владѣлъ Ногай, то, по мнѣнію А. К. Маркова, никто другой, кромѣ Ногая, не могъ тамъ чеканить монету. Статья отличается стройнымъ изложеніемъ, имѣетъ цѣлью доказать ханствованіе Ногая и можетъ показаться вполнѣ убѣдительной; но я не могу согласиться съ А. К. Марковымъ въ самомъ основномъ, а именно въ годѣ. По чтенію А. К. выходитъ: سنة تسعين وستماية «года шестьсотъ девяностаго». Я же вижу нѣчто другое: سنة ثماماية (ثمانماية) «года восьмисотого»[1]. 800-й годъ гиджры равенъ 1397,8 по Р. Х. Слѣдовательно монеты вышли изъ чекана спустя сто мусульманскихъ лѣтъ послѣ смерти Ногая. Если мое чтеніе вѣрно, а на этомъ я настаиваю, то новый фактъ, введенный А. К. Марковымъ въ исторію Золотой орды, долженъ отпасть. Въ такомъ случаѣ лишній разъ подтвердилось бы мое, давно уже высказанное замѣчаніе, что золотоордынская нумизматика очень опасный источникъ для исторіи Джучіева улуса.

Какой же получается выводъ изъ этого изложенія? Мнѣ кажется, что Ногай былъ ханомъ; у насъ нѣтъ основанія отвергать тѣ свидѣтельства о его ханствѣ, которыя дошли до насъ съ разныхъ сторонъ. Но въ то же время трудно признать Ногая такимъ настоящимъ и самостоятельнымъ ханомъ, какими были по существу, хотя не всегда фактически, потомки Батыя. Если бы въ Золотой ордѣ существовали вассальныя отношенія, то

---

[1] Въ начертаніи года недостаетъ буквы ن; но мнѣ кажется, что эта буква существуетъ, только попала не на свое мѣсто, не впереди мима نماية, а сзади منايةۥ потому что между م и ا никакого маркяза не требуется. [Въ рукописи помѣщено изображеніе монетъ (изъ статьи А. К. Маркова, стр. 9), здѣсь не воспроизведенное. — В. Б.].

Ногая можно было бы назвать вассальнымъ ханомъ; но ничего подобнаго мы тамъ не замѣчаемъ. Даже русскихъ князей, вопреки мнѣнію доктора Бретшнейдера[1], нельзя назвать вассалами хановъ, потому что, хотя внутреннее управленіе и было оставлено за Рюриковичами, которые обязаны были давать ханамъ дань и посылать воиновъ, но сами князья не пользовались отъ своихъ повелителей никакими договорными правами, которыя регулировали бы отношенія между сюзереномъ и вассалами. Все зависѣло отъ каприза и усмотрѣнія хановъ, да не только самихъ хановъ, а иногда отъ произвола ихъ баскаковъ.

Прослѣдимъ судьбу сыновей Ногая. Послѣ смерти его — повѣствовалъ Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ — когда оба брата, Джека и Тека, возвратились во свояси и къ нимъ вернулись остатки войска ихъ, уцѣлѣвшаго отъ избіенія и разграбленія, то Джека присвоилъ себѣ прежнія владѣнія отца своего, заявивъ исключительное право свое на нихъ, помимо брата своего; (этимъ) онъ раздражилъ сердце его и испортилъ душу его, такъ что онъ (Тека) рѣшился отпасть отъ него и перейти къ Toктѣ со многими (другими)... Дошло до брата его (извѣстіе) о томъ, что онъ (Тека) отложился отъ него и рѣшился уйти отъ него. Тогда онъ сталъ бояться, что онъ заключитъ союзъ съ Токтой противъ него, и послалъ къ нему тайкомъ людей, которые настигли его въ одну изъ ночей, когда онъ беззаботно спалъ въ своемъ шатрѣ, окружили шатеръ со всѣхъ сторонъ, копьями кололи его, находившагося внутри шатра, до тѣхъ поръ, пока сочли его умершимъ, и, бросивъ его, ушли во свояси. Но въ немъ осталась искра жизни... Онъ (Джека) подослалъ къ нему человѣка, который долженъ былъ старательно довершить убійство его. Затѣмъ это разгласилось между войсками ихъ и стало извѣстно родственникамъ и племенамъ ихъ. Удивились они поступку его и охулили распоряженіе его относительно брата его и убіеніе его. Отчуждились (отъ него) сердца ихъ, возмутились души ихъ и покинули его многіе изъ нихъ[2].

Въ слѣдующемъ 700-мъ году (съ 16 сент. 1300 по 5 сент. 1301 г.) погибъ и Джека, о чемъ передалъ намъ тотъ же источникъ: Джека, при овладѣніи царствомъ, поставилъ надъ нимъ намѣстника, по имени Тунгузъ, изъ старшихъ эмировъ. Когда онъ приступилъ къ убіенію брата своего Теки, то онъ (Тунгузъ) отдѣлился отъ него и уговорился съ Тазомъ, сыномъ Мунджука, — зятемъ Ногая, потому что онъ женилъ его на своей дочери Тугулджѣ — отправиться въ грабительскій походъ на земли Валаховъ и Русскихъ. Отправились они вдвоемъ съ своими людьми и, оставшись на единѣ одинъ съ другимъ, стали бесѣдовать и разсуждать о поступкѣ Джеки, о его дерзости

[1] Notices of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia. London, 1876.

[2] Сборникъ, стр. 115—116.

и дурномъ характерѣ его, и сказали: «коли этотъ не пожалѣлъ брата своего, какъ же онъ пожалѣетъ насъ». Тогда они уговорились вернуться къ нему да напасть на него, и возвратились къ ставкѣ его. Но одинъ изъ войска ихъ провѣдалъ, что они условились извести его (Джеку). Онъ сѣлъ на коня, поскакалъ во весь опоръ и увѣдомилъ его о положеніи (его) безкорыстно и дружески. Когда онъ (Джека) замѣтилъ, что они уже настигаютъ его, то онъ тотчасъ же ускакалъ съ 150 всадниками своего отряда и отправился въ страну Асовъ, въ которой находился предводитель и десять тысячъ войска его. Онъ пріютился у нихъ и остался тамъ. Намѣстникъ же его, Тунгузъ, и Тазъ, зять его (Джеки), отправились въ ставки его, ограбили ихъ, овладѣли ими и нашли, что онъ успѣлъ убѣжать отъ нихъ. Когда Джека остановился въ землѣ Асовъ и воины его убѣдились, что онъ живъ и дѣйствительно еще существуетъ, а не погибъ, то многіе изъ нихъ тайкомъ пробрались къ нему. Благодаря имъ отрядъ его увеличился и сила его умножилась. Тогда онъ вернулся, чтобы воевать съ Тунгузомъ и Тазомъ. Оба войска встрѣтились. Онъ (Джека) одержалъ верхъ надъ ними, разбилъ и разсѣялъ ихъ, забралъ въ плѣнъ и награбилъ, сколько хотѣлъ, и отнялъ у нихъ опять свои ставки и свои стада. Разсказывалъ очевидецъ этого сраженія, что сестра его (Джеки), Тугулджа, дочь отца его, Ногая, сидя на конѣ, сражалась противъ него (мужа своего) вмѣстѣ съ мущинами. Когда мужъ ея и бывшіе съ нимъ были разбиты, то они обратились къ Токтѣ съ просьбою о поддержкѣ и умоляли (его) помочь имъ войскомъ, съ которымъ они могли бы сразиться противъ Джеки и снова отразить его. Онъ (Токта) помогъ имъ ратью (которую послалъ имъ) подъ начальствомъ брата своего Бурлюка, сына Менгутемира. Когда къ нимъ прибыла помощь отъ Токты, то они объявили войну и снова вступили въ бой. Джека не былъ въ состояніи противиться имъ. Онъ бѣжалъ и прибылъ въ землю Валаховъ, царь и правитель которой былъ женатъ на одной изъ родственницъ его[1]. Онъ (Джека) забрался въ одну изъ крѣпостей его, и пріютился въ ней, надѣясь, что онъ безопасенъ у него. Сторонники его (царя Валахскаго) сказали ему: «(человѣкъ) этотъ, пришедшій къ тебѣ, врагъ Токтѣ, который всячески старается схватить его. Если онъ (Токта) узнаетъ о его пребываніи у насъ, то онъ придетъ къ намъ и погубитъ насъ. Лучше всего схватить его (Джеку) и увѣдомить его (Токту) объ этомъ». Онъ (царь) схватилъ его, засадилъ въ крѣпость свою, подъ именемъ Тырновъ, и извѣстилъ о происшедшемъ Токту, который приказалъ убить его. Онъ и былъ убитъ въ этомъ году. Такъ осво-

[1] Джека былъ женатъ на дочери Тертера. Болгарскы Книжици, 1858, № 4, стр. 123. См. выше, стр. 41.

бодилось царство Токты отъ противниковъ его и исполнились всѣ его желанія относительно гибели его враговъ[1].

И болгарская исторія отмѣтила смерть Джеки (по болгарски Чака или Чакасъ) въ предѣлахъ Болгаріи, но безъ указанія года, что дало возможность нѣкоторымъ мѣстнымъ историкамъ относить это событіе ко времени Ногая[2]. Чакасъ прибылъ въ Болгарію къ своему шурину Святославу, сыну Тертера, и предлагалъ ему подѣлить между собою болгарскія области. Святославъ согласился и съ помощью Чакаса проложилъ путь къ престолу, а затѣмъ заключилъ его въ темницу, гдѣ Чака, по свидѣтельству Пахимера, былъ задушенъ прислуживавшими ему евреями[3]. Довольно подробно о дѣлахъ въ Болгаріи сообщилъ Пахимеръ и между прочимъ коснулся и той роли, какую сыгралъ тамъ Чака (Τζακᾶς)[4].

Про третьяго сына Ногая, Турая, Рукнъ эд-Динъ Бейбарсъ сообщилъ подъ 701 г. (съ 6 сент. 1301 по 25 авг. 1302) слѣдующія подробности. Въ этомъ же году двинулся (въ походъ) Турай, сынъ Ногая, чтобы отомстить за отца и двухъ братьевъ своихъ. Онъ пустился на хитрости и для осуществленія своей цѣли и достиженія того, что ему нужно было, началъ съ (разныхъ) уловокъ. Такъ онъ отправился къ сыну Менгутемира, Сарайбугѣ, котораго братъ его Токта поставилъ на мѣсто Ногая. Турай поддѣлался къ нему, старался его расположить въ свою пользу и опуталъ его, а когда замѣтилъ его расположеніе къ нему, то вовлекъ его въ дѣло брата своего Токты, объяснивъ ему, что онъ (Сарайбуга) имѣетъ больше его (Токты) правъ на царство и на управленіе государствомъ, и соблазнилъ его. Тотъ согласился съ нимъ и поддался лжи его до того, что былъ проведенъ имъ. Онъ двинулся съ своимъ 10,000-мъ отрядомъ[5] и переправился черезъ рѣку Итиль, которая (въ то время) замерзла, на коняхъ, но пришло ему въ голову посовѣтоваться съ братомъ своимъ Бурлюкомъ и попросить его о помощи. Онъ оставилъ войско въ сторонѣ, отправился одинъ, прибылъ къ Бурлюку и посовѣтовался съ нимъ о своемъ дѣлѣ. Тотъ выразилъ ему одобреніе его плана и готовность содѣйствовать ему въ томъ, чего онъ желалъ, но потомъ тотчасъ же поспѣшилъ извѣстить Токту о томъ, что противъ него замыслили братъ его Сарайбуга и Турай, сынъ Ногая, относительно нападенія на него. Токта немедленно двинулся (на нихъ) съ своими приближен-

---

[1] Сборникъ, стр. 117, 383—4.

[2] Арх. Леонидъ, Ханъ Нагай, стр. 35.

[3] Болгарскы Книжици, стр. 122-123. Арх. Леонидъ, Ханъ Нагай, стр. 35.

[4] G. Pachymer., v. II, L. III, p. 264—266. О сыновьяхъ Ногая, привлекшихъ къ Дунаю Аланъ, которые здѣсь приняли дѣятельное участіе въ военныхъ событіяхъ, см. статью Ю. А. Кулаковскаго, «Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей». (Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣтописца. Кн. XIII, отд. II, стр. 158—9).

[5] Въ текстѣ стоитъ: со своимъ туманомъ (стр. 94).

ными и приверженцами и противъ обоихъ отправилъ (людей) для приведенія ихъ (къ нему). Оба они были убиты въ его присутствіи и войско ихъ разбрелось[1].

Въ томъ же году бѣжалъ Каракисекъ, сынъ Джеки, сына Ногая. Вмѣстѣ съ нимъ убѣжали два родственника его, Джериктемиръ и Юлукутлу. Это (произошло) оттого, что когда Токта убилъ брата своего Сарайбугу и сына Ногая, Турая, то Бурлюкъ послалъ требовать (къ себѣ) Каракисека. Тогда послѣдній и оба упомянутыхъ лица бѣжали. Бѣгство забросило ихъ въ страну Шешимена, въ мѣстность, называемую Будуль, по близости отъ Кракова. Вмѣстѣ съ нимъ отправилось до 3,000 всадниковъ. Шешименъ и соратники его приняли ихъ у себя, и они остались у нихъ, бродя по (разнымъ) мѣстамъ и прокармливая себя мечами (своими) до нашего времени[2].

Такъ не удержалась на высотѣ положенія семья Ногая, когда этотъ выдающійся отпрыскъ чингизидовъ сошелъ со сцены.

---

[1] Сборникъ, стр. 118—119.

[2] Тамъ же, стр. 119, 384. Шишманъ (Стратимиръ), болгарско-видинскій деспотъ, ведшій, при помощи татаръ, войну съ сербскимъ кралемъ. Архъ. Леонидъ, Ханъ Нагай, стр. 37.

ЗАПИСКИ

РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ИСТОРИЧЕСКИХЪ НАУКЪ И ФИЛОЛОГІИ.

ТОМЪ XIII.

VIII СЕРІЯ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE.

CLASSE DES SCIENCES HISTORICO-PHILOLOGIQUES.

TOME XIII.

VIIIe SÉRIE.

ПЕТРОГРАДЪ. 1922. PETROGRAD.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Іюнь 1922 года.
Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ*.

Россійская Государственная Академическая Типографія.
Р. Ц. № 1421. — 600 экз.

СОДЕРЖАНІЕ XIII ТОМА.—TABLE DES MATIÈRES DU TOME XIII.